

Ана Гри
ЭПИДЕМИЯ

Не к ночи
рассказанное 2

18+

Ана Гри

Не к ночи рассказанное...

2. Эпидемия

«Автор»

2026

Гри А.

Не к ночи рассказанное... 2. Эпидемия / А. Гри — «Автор», 2026

Главная героиня Элла живет на стыке миров. Её реальность — это бесконечная борьба с Эпидемией, превратившей города в мертвые декорации, и... совместный быт с Люцифером. Да-да, тем самым. Только теперь Князь Тьмы искренне пытается помочь человечеству наладить систему вакцинации. Но этот хрупкий баланс рушится в один миг. Элле начинают преследовать видения настолько яркие, что они обжигают сильнее реальности. Её единственная связь с прошлым — Кирилл который застрял в мире гниющей плоти и сырости... Это история о спасении мира. И о том, как удержать рассудок когда единственный способ выжить самой — позволить вирусу превратить тебя и вашего общего ребенка в идеальное оружие Судного дня.

© Гри А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сырая зима	5
Глава 2. Локдаун	10
Глава 3. Рояль в кустах	14
Глава 4. Ритм мироздания	17
Глава 5. Бойся своих желаний	21
Глава 6. Проклятые сумерки	29
Глава 7. Кровавый пир	34
Глава 8. Северный кошмар	40
Глава 9. Начало неизбежного...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ана Гри

Не к ночи рассказанное... 2. Эпидемия

Глава 1. Сырая зима

За окном пролежала широкая пустынная улица, тускло подсвеченная редкими фонарями. Между тёмными стенами домов виднелась площадь, посреди которой возвышалось большое колесо обозрения, одинокое и пустынное, застывшее в одном положении. На улице сыпал сырой снег, и сквозь него слабо доносился шум редко проезжающих автомобилей.

Андрей поёжился и отвернулся от окна. Как хорошо, что в квартире тепло, чисто. Он скользнул взглядом по деревянному полу, укрытому ковром, и мягкой мебели в тёплых тонах, повёл носом, почувствовав аромат приготовленного ужина. Как хорошо, что сырая зима сюда никогда не проникнет!

В зал неспешно вошла высокая девушка с длинными иссиня-чёрными волосами, такими же мрачными, как и одежда, которую она предпочитала. С тех пор как они переехали в эту квартиру, Андрей заметил перемены в любимой: её кожа приобрела болезненный оттенок, а взгляд утратил обычную уверенность. В глазах Анжелы отразилась странная, неизведанная тревога и глубокая внутренняя боль, будто пришедшая неизвестно откуда.

— Как ты себя чувствуешь? — взволнованно спросил он, стараясь скрыть беспокойство.

Ангела равнодушно пожала плечами, вытираясь кухонным полотенцем:

— Нормально, как всегда...

— Я любовался видом из окна. Как здесь хорошо...

— А мне больше нравилась другая квартира, — её голос прозвучал сухо и печально. — Здесь неуютно и пахнет гнилью. А где кот?

Андрей горько усмехнулся:

— Из-под дивана так и не вылезал.

— Уже неделю там сидит... — Ангела плотно сжала губы. — Скоро ужин будет готов, я тебя позову...

Пообещала девушка и удалилась под шипение кота, забрав с собой весь уют, а комнату населив непонятной тревогой и беспокойством.

Не успел Андрей снова повернуться к окну, как за его спиной отчётливо раздался голос:

— Идём кушать...

Голос был узнаваемым, но в то же время чужим, низким и скрипучим, вызывающим животный страх. Андрей резко повернулся, почувствовав, как волосы на затылке встают дыбом. Но кухня была пуста — ни Анжелы, ни признаков ужина. Парень растерянно замер, поднял глаза, остановившись на окне, сфокусировал взгляд и побледнел...

Её бесформенная фигура висела на люстре в искажённом оконном отражении, словно мерзкая пародия на человека. И теперь ему даже удалось разглядеть ее синеватое, почти фиолетовое лицо, распухшее и испещрённое серыми пятнами распадающейся плоти.

Оцепеневший Андрей судорожно отступил назад, задев затылком деревянную поверхность шкафа, пошатываясь и хватаясь руками за воздух. Он упал навзничь, инстинктивно прикрывая глаза ладонями, тщетно пытаясь стереть видение кошмара.

— Милый, что с тобой? — почувствовал он ладонь у себя на плече и вздрогнул.

Рядом стояла перепуганная Ангела:

— Что произошло?

Ночью Андрей не смог сомкнуть глаз. Каждый раз, когда удавалось на пару секунд провалиться в сон, что-то начинало его душить, высушивая горло до состояния песка, вызывая жажду, но, чтобы утолить её, нужно было встать и пойти в кухню...

Он присел на край кровати и откашлялся в надежде, что это поможет справиться с першением. Внезапно ноздри заполнил едкий гнилостный запах, который напомнил о словах Анжелы, сказанных накануне вечером.

Напряжённый, он прошёл в кухню, сосредоточенно глядя себе под ноги, и быстро налил стакан воды. Залпом осушив его, он почувствовал, как сбоку от себя раздался тот же низкий, скрипучий голос:

— Андрей...

В ужасе парень замер, зажмурился и забыл, как дышать. Именно так с ним разговаривало отражение в кухонном окне, смотрящее на него искажёнными, воспалёнными глазами...

Резко бросив стакан в раковину, Андрей рванул в спальню, не оглядываясь.

Легкий шелест белоснежных крыльев едва заметно прошуршал на кухне, создав едва уловимую прохладу.

— Хозяин... — промолвило отражение, медленно спустившееся с люстры и вышедшее из стекла, преклонив колени перед Люцифером.

— Как вы посмели снова вторгаться в тела смертных? — процедил Люцифер сквозь зубы, опасаясь нарушить покой владельцев квартиры.

— Хозяин, мы бы не выжили, не владея телами смертных после того, как Эпидемия нарушила баланс Ада, — виновато оправдывалось существо.

Несмотря на позицию на коленях, оно выглядело внушительно: высокие плечи, чёрные лохмотья и выражение лица, лишённое всякого блеска и жизненной энергии.

— Фу! — сморщился Люцифер, зажимая нос. — Заполнил пространство этой бессмысленной меланхолией и апатией. Скажи спасибо, что пришёл именно я, а не Элла — она бы церемоний не соблюдала.

— Но ведь Элла пропала... — пробормотало существо.

— Не говори ерунды, Самоубийство, — раздражённо бросил Люцифер. — Ждём её со дня на день. А ты — марш обратно в Ад и принимайся за работу. Некогда мне тут вести философские разговоры.

Монстр поднял глаза, полные глубокой внутренней боли и тревоги, но с едва заметным проблеском понимания и сочувствия:

— А Эпидемия больше не вернётся?

Вечер тихо опускался на город, окутывая улицы плотной серой дымкой. Десятилетний Саша торопливо возвращался домой, увидев у подъезда на скамейке дедушку Артёма — соседа с третьего этажа, чьи добродушные улыбки и рассказы всегда радовали окружающих. Однако в последние дни он изменился до неузнаваемости.

Прежде подтянутый, дедушка стал приземистым и массивным, словно вырос изнутри, обретя тяжёлую телесную массу. Мощные руки выступали из коротких рукавов, а лицо, раньше открытое и улыбающееся, превратилось в массивную сферу жирных складок. Его щёки обвисли, блестя жиром, а рот оставался полуоткрытым, словно в любую секунду готов принять очередной кусочек лакомства. Массивное тело теперь украшала мятая, грязная одежда, испачканная крошками и соусами, будто он ел не переставая.

Саша приблизился к скамейке.

— Здравствуйте, дедушка Артём, — вежливо поздоровался мальчик. Ответа не последовало. Саша остановился и повторил громче: — Здравствуйте, дедушка Артём!

Тот медленно повернул голову, и Саша замер, поражённый изменениями. Ранее добрые и весёлые глаза теперь казались мелкими и тусклыми, утопая в глубоких складках жира. Губы блестели, словно смазанные маслом, а от него пахло смесью дешёвых специй и тления.

— Здравствуй, Саша, — произнёс дедушка с коротким, быстрым вдохом. — Извини, задумался...

— Да ничего, — неуверенно улыбнулся мальчик, сев рядом. — А о чём задумались?

Взгляд дедушки стал тяжелым и ненасытным.

— Вспомнилось... Было время, когда я был маленьким, как ты. Тогда в нашем городе царил голод. Люди падали замертво прямо на улицах... — дедушка замолчал, переведя дыхание. — И прохожие проходили мимо, делая вид, что ничего не происходит. Никто никому не помогал. А я помню, как из окна наблюдал за этим. Но в нашем доме еда была, потому что мой отец занимал важную должность. Часто уезжал по командировкам, дежурил сутками. Сколько раз я просил его взять меня с собой, но он всегда отказывался. Однажды, в один из редких вечеров, отец вернулся в хорошем настроении, и я сумел его уговорить показать мне его работу! Вот радости-то было! Проснулся я в шесть утра, мы позавтракали и сели в чёрный служебный автомобиль. Я ни разу на таком не катался, мечтал потом похвастаться перед друзьями. Мы отправились на особое задание, и я воображал себя настоящим помощником отца!

Дедушка сделал паузу, пристально глядя на мальчика.

— В общем, — продолжил он, — мы прибыли в большой дом, где нужно было провести обыск. Дверь долго не открывали, а когда открылась, на пороге стоял пожилой мужчина в старой фуфайке, из-под которой виднелась белая майка, заляпанная засохшей кровью... Двое сотрудников вошли внутрь. Минуты через две отец позвал меня и разрешил зайти. Сказал следить за дедушкой, но не приближаться. Я стоял у входа, старался не смотреть на него, но всё равно чувствовал его взгляд. Остальной персонал занимался обыском, никто не обратил внимания, что дедушка смотрит только на меня.

Старик снова повернул лицо к Саше, и мальчик почувствовал, как по спине пробежал леденящий холодок.

— Я старался не смотреть на него, но не мог удержаться! Я видел его ненасытные глаза, будто перед ним стоит не я, маленький мальчик, а кусок еды... В какой-то миг он кинулся на меня, широко раскрыв слюнявый рот, но пуля в лоб остановила его, заставив повалиться назад.

— А кто... Кто вам помог? — выдохнул Саша.

— Отец вовремя вернулся, — дедушка Артём вытер струйку слюны с губ. — Но самое страшное было впереди. Позже, когда приехала подмога, отец отправил меня домой. Но я успел заглянуть в открытую дверь кладовки. Там... Там лежали расчленённые тела детей. Маленькие ручки, ножки, головы... И один ребёнок был ещё жив, но без рук и ног, с криво зашитыми гноящимися культями. Дедушка этот... Он заманивал голодных детей мясом, а потом... Потом делал из этих детей новое мясо, ел его сам и заманивал следующих.

Саша почувствовал, как желудок сжался от ужаса. Он хотел бежать, но ноги словно приросли к месту.

— А откуда вы всё это знаете? — едва слышно спросил мальчик.

— Хех... — дедушка усмехнулся, и в его глазах блеснул странный блеск. — Я успел прихватить с собой тетрадь со стола из того дома. Думал сохранить её для себя, а впрочем, не важно... Оказалось, это был дневник людоеда. Подробнейшие рецепты, способы заманивания детей, хранения мяса... Эта тетрадь... — дедушка медленно поднялся с лавочки, протягивая руку Саше. — Она до сих пор у меня. Хочешь посмотреть? Идем...

— Конечно, идём! — радостно вскочил с лавочки мальчишка и только хотел взять руку доброго соседа, как из окна вдруг раздался голос матери:

— Саша, домой!

Мальчик застыл, а затем растерянно оглянулся:

— Дедушка Артём, извините, мне пора... А может, я завтра приду? Вы мне покажете? — глаза его блестели интересом и любопытством. — Не передумаете?

— Конечно, Саш, конечно, — дедушка проводил глазами мальчика в подъезд.

Саша поднялся на свой этаж и дважды нажал кнопку звонка, ожидая, что мать откроет дверь, как обычно. Устав ждать, он вынул ключ и открыл замок.

— Мам, ну ты чего не открываешь? — громко спросил он.

В квартире стояла тревожная тишина. Мальчик прошел по комнатам, заглядывая в каждую, но никого не нашёл. Вернувшись в коридор, он услышал, как открылась входная дверь, и на пороге появилась уставшая мама с пакетами из магазина.

— Мам... Это ты? — неуверенно спросил Саша, чувствуя, как сердце ёкнуло.

— Саш, ты чего, сынок? Кто же ещё? Голодный, поди? Сейчас поужинаем. Задержали на работе сегодня меня, — устало улыбнулась мама, ставя пакеты на пол.

— Ма-а-ам! — мальчик бросился к ней, крепко обнимая.

— У тебя всё хорошо, сынок? — смягчилась мама, поглаживая его по голове. — Чувствовала что-то нехорошее, торопилась домой как могла...

Дедушка Артем тяжело вдохнул, стоя перед лестницей наверх.

— И надо же было тебе поселиться так высоко... — тяжело дыша от недостатка кислорода, он взбирался по ступенькам, крепко цепляясь широкой ладонью за перила.

У своей двери он наконец отдышался, с трудом достал ключ, открыл замок и шагнул внутрь квартиры, глубоко вбирая воздух.

— Хозяин? — вдруг ощутил он чужое присутствие и мгновенно, ловко разворачиваясь, упал на колени. — Это вы позвали мальчика домой? Как хорошо, что вы меня остановили...

— Поднимайся, Обжорство, и отправляйся в Ад, — снисходительно распорядился Люцифер. — И тетрадь с собой не забудь.

Монстр уже открыл рот, намереваясь задать вопрос, но Люцифер не дал ему договорить:

— Нет, Эпидемия пока что не вернется...

— А-а... — хотел промычать еще один вопрос Обжорство.

— И Эллы пока нет, — продолжил Люцифер. — За ней отправился Кирилл. Ожидаем!

Полное тело рухнуло на пол, мгновенно высохло, обретя знакомые черты прежнего владельца, обратившись в облако пепла и бесшумно растворившись в воздухе.

Тьма стремительно рассеялась, и в горле неприятно образовался вязкий ком, известный смертным как тошнота. Яркий белый свет резанул по глазам, вынуждая их рефлекторно зажмуриться. Я глубоко вдохнула воздух, остро необходимый мне после долгих недель сырого заточения, но даже здесь он был слишком влажным, насыщенным сырыми зимними испарениями.

Внутри меня накопилось столько жидкости, что я чувствовала себя готовой пролиться дождём над любым городом, даже несмотря на то, что сейчас зима. Наша прежняя улочка, ведущая к частному дому, была покрыта не застывающей грязью вперемешку с мокрым снегом, отчего казалось, что я всё ещё нахожусь в том сыром подzemелье...

Дом не был разрушен и не дымился. Вместо всепоглощающего ужаса, который я испытывала вчера, теперь он мотивировал меня уверенно шагать вперёд, несмотря на дикую боль в теле.

Мои непослушные ноги без обуви в рваных колготках, что еле передвигались, утопали в грязи. Я хотела поторопиться, но будто заново училась ходить... Каждый шаг мне давался как подвиг, каждый шаг был неуклюжим, неловким, словно я утратила навык ходить. Тело было чужим и тяжелым, и следующее мое движение вперед испытывало меня на волю и терпение.

Поднимаясь по ступеням крыльца, я повела носом, и брови непроизвольно взлетели вверх:

— Нина?!

Со всей возможной быстротой, преодолевая трудности передвижения, я рванула в дом, где меня буквально сбил с ног упитанный Вампал, крутящийся вокруг меня мощным корпусом. Ещё не успев прийти в себя, я ощутила крепкие объятия своей Наставницы.

— Нина! — всхлипнула я, не в силах сдержать слёз. — Ты жива? Но как... Ладно, я плачу от счастья, но ты-то чего? Словно сто лет не виделись!

— Почти столько ты и пропадала, — подал голос из темноты комнаты жгучий брюнет с длинной смоляной чёлкой, чьи глаза сверкали красным, словно огранённый рубин, поймавший луч солнца.

Глава 2. Локдаун

Андрей лежал в полумраке зала на диване, когда в комнату вошла Анжела.

— Ты стала прежней, — прошептал он, обессилев от усталости, но в голосе звучала искренняя радость. — Наконец-то вернулись розовые щёчки и прежний блеск в глазах...

Анжела улыбнулась, но её улыбка быстро угасла, когда она заметила, насколько болезненно выглядит возлюбленный.

— Только вот ты совсем не радуешь, — обеспокоенно произнесла она, присев на край дивана.

— Мне кажется, я поймал смертельный вирус, — с трудом выдавил он, тяжело дыша. — Мне очень плохо, а до скорой дозвониться не получается, постоянно сбрасывают звонки. Анжела, тебе опасно находиться рядом со мной...

Глаза девушки мгновенно расширились от ужаса, на лбу выступила испарина.

— Андрей, — едва слышно прошептала она, — я, кажется, беременна...

Зима давно вступила в свои права, но словно нарочно уклонялась от исполнения своего долга. Мороз, призванный заморозить инфекцию и остановить распространение вируса, так и не ударил. День за днём тянется бесконечная сырая погода, превращая повседневную жизнь в медленное, изнурительное испытание. Холод и сырость проникли повсюду, оседая в лёгких, превращая воздух в ядовитую влагу. Кажется, сама природа отказывается помогать, продлевая муку ожидания и усиливая всеобщую тревогу.

Тяжелые серые низкие облака давили города и деревни, превращая короткие дни в промежутки между длинными ночами. О солнечных лучах не шло и речи с момента наступления пандемии.

Днем улицы оставались пустынными, словно вымершими. Музеи и кинотеатры были запечатаны металлическими цепями, так же как кафе и рестораны. Магазины продолжали работать по распоряжению правительства, но и они один за другим оставались открытыми, безжизненными, с обворованными полками и хаосом внутри, поскольку жестокий вирус методично косил продавцов.

Город замер в ожидании, словно в ловушке, где каждый вдох мог принести не облегчение, а новую волну страха. Низкое небо давило сверху, словно предупреждая: спасения ждать неоткуда, и лишь холодная сырость продолжит стелиться по улицам, пока мир не сдастся окончательно.

Эпидемия, поначалу казавшаяся обычной сезонной инфекцией, стремительно разрослась до масштабов мирового бедствия, породив всепоглощающий страх и безысходность. Правительство, столкнувшись с хаосом, ввело жёсткие ограничения: вокзалы и аэропорты под охраной военных закрылись намертво, отсекая любые пути к побегу.

Каждые три часа по городу разносился пронзительный вой сирен, пронзающий нервы до самого дна. Голос из динамиков механически повторял одно и то же:

«Немедленно наденьте защитные маски! Соблюдайте дистанцию! Без крайней необходимости не выходите из своих жилищ!»

Затем сообщалось о числе жертв, ежедневно возрастающем скачками до нескольких тысяч, среди которых большинство — умершие. Морги больниц трещали по швам, тела складывали рядами, словно товар на складе, врачи падали от усталости, больницы переполнялись стонами и криками.

Но несмотря на всю серьезность, на улицах собирались толпы, организовывавшие митинги протеста против обязательной вакцинации и вынужденного заключения в собственных квартирах, считая принятые меры заговором правительства. Люди кричали, размахивали

самodelьными транспарантами, но их голоса тонули в безразличном городском шуме, словно никто не слышал их отчаянных призывов.

Даже некогда пылающий жаром Ад сломался, покрывшись ледяной коростой и сталакти-тами, безнадежно капавшими слезами. Каменные залы, прежде наполненные оглушительным шумом проклятий и стенаний, теперь превратились в мрачное, безжизненное пространство, ставшее ещё страшнее прежнего.

Тяжёлые багрово-чёрные тучи застыли недвижимо, словно время здесь остановилось навсегда. Исчезли даже постоянные потоки дыма и серы, придающие Аду его привычную зло-вещую динамику.

Здесь больше не раздавалось ни единого звука — ни криков грешников, ни воплей демо-нов. Все они, застывшие в сырости и покрытые ледяной броней, превратились в безмолв-ные памятники собственного наказания. Ад, ставший царством вечного холода, хранил теперь лишь безмолвие и безысходность, словно сама бездна отчаяния наложила на него вечное мол-чание.

И, казалось, сама природа вступила в заговор с эпидемией, предоставив ей идеальное условие для распространения. Жизнь превратилась в непрерывное ожидание следующего этапа катастрофы, страх перед будущим и надежду на чудо, которое могло изменить ситуацию.

Почувствовав мощный выброс злости, я мгновенно метнулась к Люциферу.

— А этот что тут делает? — вскрикнула я, сжимая кулаки и готовясь атаковать.

— Элла, подожди, — попыталась остановить меня Нина, хватая за руки.

— Что тут произошло в моё отсутствие? — продолжала я негодовать. — Его нечисть терроризирует смертных, а вы так просто приняли главу зла в нашу команду? Вы все с ума посходили?

— Но это нечисть! При чем тут я? — попытался оправдаться Люцифер, разводя руками.

— Даже если бы это была правда, ты бы все равно опроверг! — крикнула я, кипя от раздражения.

— Ну, делать мне больше нечего, — спокойно возразил Люцифер. — У меня есть своя любимая работа и уютный дом, который...

— Работа, — усмехнулась я. — Искусственно создавать условия для грехов и получать за это награду в виде душ?

— Ошибаешься, Элла, — ответил правитель Ада, сохраняя спокойствие. — Я занимаюсь исключительно грешниками. И такие они по своей вине. Это человеческая натура! Такими их создали. Хватит все сваливать на меня.

— Видела я, как твои подчиненные поступают не только с грешниками, — отметила я, прищурившись.

— А ты думаешь, так легко уследить за моим штатом, который постоянно пополняется? — возразил Люцифер. — Ведь даже в Китае за взятку смертная казнь, а коррупция как была, так и осталась.

— Всё, успокоились оба! — вмешалась Нина. — Элла, выдохни и присядь. Он с нами, и точка!

— Я бы даже сказал восклицательный знак, — остался доволен собой Люцифер, скрестив пальцы замком.

— Кто? Он? — возмущённо воскликнула я.

— Да, он, — вздохнула Нина. — Эпидемия заморозила его Ад...

— Можно я сам? — любезно предложил Люцифер, присаживаясь напротив меня. — Мой Ад — это особый механизм, регулирующий добро и зло. Каждый мой монстр наделен харак-теристиками и способностями. Они поддерживают структуру и функциональность Ада, обес-печивая баланс заболеваний, ненависти и несправедливости. Но Эпидемия сбила этот баланс, заморозив мой дом...

— Мне дела нет до твоего Ада! — воскликнула я сердито. — У меня и своих проблем полно! Где Кирилл и Антошка?

— Элла?! — серьёзно произнесла Нина. — Ты как вернулась, еще не до конца пришла в себя? Ты все услышала, что рассказал Люцифер?

— Услышала и сделала выводы, — категорично ответила я. — Пусть сам справляется со своим Адом!

— По мимо его нечисти из Ада сбежали все грешники, — добавила Нина. — Ты понимаешь масштаб трагедии? А сейчас миром владеет Эпидемия, и ты даже представить не можешь катастрофический объем смертности. Все идет к тому, чтобы планета очистилась от населения, понимаешь? До тебя наконец-то дошло? В мире творится полная анархия, раз монстры Люцифера не удерживают больше баланс.

Мурашки пробежали по моей спине, и в горле встал ком, мешающий сделать вдох. С плеча Люцифера спустилась сонная Крошка, зевнула и произнесла:

— Люцифер — мой герой-спаситель, Элла. Мы очень долго ждали тебя с Кириллом, и когда Кирилл потерял всю надежду и погрузился в меланхолию, появился Люцифер и даже спас меня от огромного соседского ботинка.

— Крошка, ты подросла, — обрадовалась я ей. — Иди скорее обниму!

— Я уже привык к Люциферу, он мне как брат, — пробурчал под столом Вампал. — Кто согласен со мной, махните хвостом!

И сам забарабанил хвостом по полу.

— Да за что мне такой активный хвост достался? — следом пробурчал лабрадор и тут же захрапел.

— Хорошо, ладно, я готова навалить всем, кому нужно... — посадив Крошку на стол, я вскочила со стула и замерла, ощутив покачивание почвы под ногами.

— Элла! — ринулись ко мне Нина и Люцифер.

Я попыталась выпрямиться, не в силах справиться с комнатой, закружившейся вокруг меня, затем захрипела, выпрямила руки по сторонам в поисках опоры и моргнула глазами, как вдруг темнота стала поглощать свет, а пол — подниматься. Когда комната наконец остановилась плавно, надо мной склонились Нина с Люцифером. И всё — темнота.

Ночью порывистый ветер налетел на город, швыряя его в объятия холодного шторма, но настоящего мороза так и не принёс. Небо, усыпанное миллиардами звёзд, будто замерло в ожидании чего-то неизбежного, таращась на покрытый тонким слоем снега город.

Связанная по рукам и ногам, я сидела в сыром мрачном помещении, стены которого заросли густым зелёным мхом и плесенью. Здесь было невозможно дышать, грудная клетка сжималась, суставы пронзала острая боль, а голову — тонкие холодные иглы. Я склонилась вперёд, опустив голову на колени, и смотрела, как вокруг моих лодыжек, обнажённых рваными колготками, кружатся шипованные частицы вируса — вирионы.

Кто-то тянул невидимую ниточку, легко открывая внутри меня заветную дверцу и извлекая мою храбрость и стойкость крюком, словно рыбу. Затем холодная, липкая ладонь с длинными лилово-синеющими пальцами скользнула по моей икре и метнулась вверх, направляясь под юбку. Но я нашла в себе силы дёрнуться.

Тогда оно схватило меня за волосы, запрокинув голову назад, и прохрипело глухим, вибрирующим голосом:

— Почувствовала всю суровость моих симптомов для смертных? Невыносимо, правда? Прямо до смерти невыносимо! Если тебе это не по нраву, представь, каково смертным?

Говорить ему было нелегко. Дыхание вырывалось свистящим хрипом, будто после марша, а в противогазе за глухими стёклами разливалось мерзкое бульканье, словно из глубин болотной трясины.

— Где наш сын? — прорычал он разъярённо, заставив меня содрогнуться.

Мой бывший возлюбленный в нынешнем облике выглядел ужасающе: громоздкий камзол скрывал бесформенную тушу, а на голове красовался противогаз. Как я могла не распознать в нём чудовище? И как теперь называть себя защитницей смертных?

Противогаз был чёрным, и сквозь его линзы я ясно видела круглые, выпуклые глаза, немигающие, словно стеклянные шарики. Кожный покров под резиновой маской сросся с ней, коричневую кожу пересекали глубокие трещины. Тошнотворный запах гниющей плоти медленно наполнял пространство.

Вскрикнув, я очнулась, оказавшись в полной тьме комнаты...

Глава 3. Рояль в кустах

Люцифер ворвался в комнату без стука. Не включая свет, в предрассветной полутьме он направился ко мне с подносом:

— Добро пожаловать в ангельский отель «Дьявольщинка». Мы предлагаем в нашем чистилище месиво гостеприимства в самом лучшем проявлении и готовы создать тьму условий, отвечающих твоему положению!

Я отвернулась от окна, напрягаясь от его присутствия. Оказавшись возле меня, он протянул поднос, на котором стоял стакан. Не пустой.

— Наверное, хочешь пить? — прищурился он лукаво.

— Не хочу, спасибо, — сдержанно ответила я.

— Советую всё же отведать, — оставался обходителен он и, хитро улыбнувшись, указал пальцем на стакан.

— Что это? — нахмурилась я. — Адское зелье, которым ты одурманиваешь Нину, а теперь взялся за меня?

— Элла, я тебе что, колдунья? — удивился он. — Я обычный Люцифер. Самый что ни на есть!

— Кофе? — предположила я, морщась от запаха, исходящего из стакана.

Он кивнул, широко улыбаясь.

— Люцифер, ты мне в няньки заделался? — усмехнулась я. — Тебе заняться нечем?

На что он отрицательно покачал головой, продолжая загадочно улыбаться.

Я поднесла стакан к губам и сделала глоток.

— Что ты туда подмешал? — вскрикнула я, ощущая странную горечь во рту.

— Ничего не подмешивал, — радостно воскликнул он, перепрыгнув на другую ногу. — Это теперь твой организм так воспринимает этот напиток. А почему — отгадай!

— Довольно! — выдохнула я, раздражённая. — Где Кирилл с Антошкой? Они уже вернулись?

Радость мгновенно улетучилась с лица Люцифера.

— Что случилось? — затребовала я ответ.

— Ничего не случилось... — уклончиво ответил он. — Так продолжим! Одна подсказка не помогла. Тогда вторая.

Он слегка наклонился назад, представляя моему взору кресло-качалку, которую я даже не заметила минутами ранее.

— Отгадай, почему в твоей комнате теперь стоит оно?

— Понятия не имею! — раздражённо воскликнула я.

— Я его принёс, пока ты тут бездельничала.

— Люцифер, спасибо, но мне некого в ней больше укачивать.

— Ты что, не поняла? — он расплылся в улыбке, и глаза его остановились на моем животе. — Ты в положении, Элла! Ты подаришь миру прелестную воительницу, сражающуюся со злом, в число которого, надеюсь, не попаду я и мои подчинённые.

В другой ситуации я была бы рада моему малышу, но сейчас эта беременность воспринималась как неожиданная гостья, заставшая меня врасплох. Она пришла тихо и незаметно, наполнив меня тревогой.

— По вашим словам, я отсутствовала долго и давно бы уже родила!

— По нашим расчётам с Ниной, — объяснял Люцифер, — там время течёт гораздо медленнее. Процесс стартовал, когда ты вернулась сюда, где и забеременела. Понимаешь?

— Где Кирилл с моим сыном? — с тревогой спросила я.

— Они в мире Эпидемии, — тихо сообщил Люцифер.

— Что? Мне срочно нужно туда! — рванула я к двери.

— Стой, Элла, твоя реакция вполне понятна... — попробовал остановить меня Люцифер.

— Но ты только что оттуда вернулась...

Но лишь Наставница, загородив дорогу, смогла меня удержать.

— Нина, она собирается сбежать обратно в мир Эпидемии, — пожаловался Люцифер, ставя поднос на стол.

— Я не сбежать хочу, — возразила я. — Там мой новорождённый ребёнок...

— Дорогая, присядь, пожалуйста, — заботливо попросил Люцифер, положив тёплые ладони на мои плечи.

— Не трогай меня! — оскалилась я.

— Нет, на самом деле тебе лучше присесть в твоём положении, — согласилась с ним Нина. — Во-первых, позвольте тебя поздравить, девочка моя...

Я увернулась от её рук, но совершенно не со зла. Какие могут быть поздравления, когда мой малыш и муж один на один с мощным опасным врагом? Мой крошка, которого мы, напротив, старались уберечь...

— Ладно, — согласилась Нина и, дождавшись, пока я наконец устроюсь на стуле, присела рядом и взяла мою руку в свою. — Понимаешь, пока ты отсутствовала, с Антошкой произошли небольшие изменения...

— Не большие, — хихикнул Люцифер. — Я бы назвал их огромными!

— Наш малыш вырос в самого настоящего сильного и могучего богатыря! — гордо объявила Нина.

— Как вырос... — попыталась возмутиться я, но слова застряли в горле. — Это все равно не меняет дела!

Я собралась вскочить со стула, но Люцифер мягко усадил меня обратно.

— Элла, это невозможно, к сожалению, — сказал он серьёзно. — Просто так, по желанию, туда не попасть!

— Невозможно... — не поверила я.

— Вот и я о том же! — поддержал Люцифер.

— Я не об этом! — возмутилась я. — Как же Кирилл с Антошкой смогли туда попасть?

— Когда мы разработали вакцину от Эпидемии, — начал Люцифер, — мы создали средство от рака и сумели поймать этот вирус в мой Ад. Онковирус признался, что любая серьёзная эпидемия способна манипулировать энергетическими потоками живых существ. Заставляет подсознание впадать в апатию, настраивая себя на смерть. Понимаешь? Ты долгое время винила себя в гибели бывшего, находясь в депрессии, поэтому он смог тебя похитить. То же самое работало и с Кириллом и Антошкой, когда мы попробовали...

— Вы попробовали? — зарычала я, собрав всю злость и обрушив её на Люцифера.

— Элла, это их предназначение — убить Эпидемию, — добавил Люцифер с сожалением. — Ничего не делается просто так. Было суждено, чтобы погибла ваша планета и вы оказались на нашей.

— С чего ты это взял? — прищурила глаза я. — Это все твои козни, признавайся? Ты специально устранил сильных конкурентов, чтобы завладеть этой планетой, и сейчас вешаешь нам лапшу на уши!

— Нет, Элла, — отрицательно покачала головой Нина.

Я зажмурилась, пытаюсь сосредоточиться.

— Что ты делаешь? — забеспокоился Люцифер.

— Стараюсь поймать хандру! — сдавленно ответила я.

— Нет, подруга, так не пойдёт! — возразил Люцифер. — Мы с Ниной рядом и не позволим тебе хандрить под действием гормонов. Твой муж и сын сейчас на фронте, сражаются с Эпидемией. Они покинули наш мир, чтобы спасти тебя и позволить тебе победить здесь!

— Элла, расскажи, где ты была? — настаивала Нина. — Любой твой опыт поможет нам бороться с Эпидемией.

Я нахмурилась и напряглась.

— Я не знаю... Я ничего не помню!

Люцифер присел с другой стороны и пристально посмотрел на меня в ожидании ответа.

— Я не помню! — занервничала я. — Но мне сегодня снился странный сон...

— Вот! — обрадовался он. — Это не сон, это воспоминание!

— Там все было во мху и жуткой сырости... — поморщила я нос. — А он... Он был другой! Не тот, которого я любила...

— Он мутировал, — подтвердил Люцифер.

— Но почему? — удивилась я.

— Видимо, он всегда жаждал власти и контроля, — пожал плечами Люцифер. — Возможно, он понял, насколько просты и примитивны жители этой планеты, и захотел их поработить! На вашей планете он играет ту же роль, что и я здесь — Люцифер.

— Нет! — не поверила я. — Мы добрый народ...

— Как оказалось, не все, — мягко возразил Люцифер.

— Вы создали вакцину? — с азартом привстала я со стула. — Необходимо организовать мобильные прививочные пункты! Немедленно! Зададим этой заразе по полной.

— О, — искренне восхитился Люцифер, — узнаю нашу предприимчивую Эллу!

— Вашу — это слишком смело сказано, — поправила его я.

— Ну да, что-то рано я хапнул осмелина, — поправился Люцифер.

— Мы уже всё предусмотрели, — одобрительно кивнула Нина. — Мобильные пункты уже работают: в одном трудится Люцифер, в другом — я.

— Ты ставишь уколы? — недоверчиво взглянула я на него.

— Как выяснилось, это гораздо проще, чем сажать грешников на кол, — бодро ответил он, но, заметив, как расширились мои глаза, поспешно замолчал.

— А для меня есть еще не менее важная миссия! — решительно добавила я.

Глава 4. Ритм мироздания

Нежная голубая дымка поднялась в небо, растворяясь в звездной бездне. Тихий город погрузился в безмолвие, словно вымер, и только мерцание редких фонарей разгоняло жуткую ночную тьму, медленно окутывающую улицы.

На востоке горизонт чуть обозначился призрачным жемчужным свечением, предвещая наступление рассвета. Город просыпался от тяжёлого сна, и в воздухе словно витала невидимая сила, наполняющая улицы особой атмосферой — странной, загадочной и тревожной.

Не успело солнце только взойти, как город снова накрыли темные свинцовые тучи, словно зазывая ночной мрак обратно.

Погрузившись в свои ежедневные мысли, бабушка шла вдоль многоэтажки, на ходу решая все свои старческие проблемы и неся из магазина пакет с хлебом и молоком — единственное, на что ей хватило остатка пенсии. А ведь еще скоро внуки должны приехать, им бы как-нибудь на подарочки выкроить...

Глухой звук удара с тихим, едва слышимым хрустом, прозвучавший за спиной, заставил ее остановиться и медленно обернуться. Неподалеку от нее что-то некрупное и темное легло на заснеженный асфальт.

Вначале она не восприняла это как что-то значимое, думала, пакет с мусором... Шагнула вперед поближе, и тут ее зацепило, хотя тень здания мешала разглядеть объект, который явно имел слишком правильные контуры и линии...

Ещё один шаг, ещё один взгляд — и вот оно: контуры приобрели чёткость, форма — объём... Как вдруг рядом упал еще один ребенок.

Выронив пакет, бабушка закричала в ужасе, закрыв лицо дрожащими жилистыми руками. Медленно отпуская которые, подняла голову вверх, увидев, как из окна на третьем этаже выглядывает девушка с искаженным страшным лицом, радуясь тому, что случилось...

— Это же твои дети, Людка... — закричала бабушка, когда к месту уже начали сбегаться остальные свидетели страшного происшествия.

Люцифер уютно устроился у печки, а за его спиной на столе красовалось впечатляющее количество фантиков от конфет.

— По-моему, твои адские ворота уже слиплись от такого количества сахара, — язвительно заметила я, выходя на кухню. — Не подумай, мне не жалко...

Как вдруг адский брюнет развернулся и торжественно объявил:

— Я хочу быть крестным твоего малыша!

Я растерянно моргнула, как и Нина, которая вдруг активно заерзала на месте.

— О, доставка прибыла, — с явным облегчением воскликнула она, поспешно выскользнув на веранду.

— Доставка? — недоуменно переспросила я.

— В наше непростое время предприниматели организовали доставку чего угодно прямо до порога, — просвещал меня Люцифер. — Чтобы люди реже контактировали друг с другом в очередях.

Вернувшись, Нина положила пакет на стол и победоносно продемонстрировала:

— Надо же, как и обещали, доставили минута в минуту!

— Что там? — поинтересовалась я.

Нина извлекла из пакета миниатюрные пластиковые флаконы.

— Спасибо Марине, она позаботилась о средстве для твоего глаза, — похвасталась она. — Правда, закапывать его придется очень часто.

— Какого глаза? — искренне не поняла я.

— Люцифер, а где кушон? — уточнила Нина.

— В моей косметичке точно нет, — театрально уточнил Люцифер, кокетливо прикоснувшись к щеке.

— А зачем кушон? — осторожно осведомилась я.

— Ты хочешь ходить со шрамами на лице? — невозмутимо посмотрела на меня Нина. — Они украшают только мужчин.

Помедлив, я подошла к зеркалу в прихожей и, едва взглянув на собственное отражение, тут же шарахнулась назад. Картина была устрашающей: лицо покрыто мелкими порезами, а один глаз — совершенно зеркальный, через который проходил самый большой вертикальный шрам.

— Так вот почему я больше не вижу нечисть... — тихо прошептала я, осторожно касаясь лица.

— Ты что, себя до сих пор не видела? — удивился Люцифер, оказавшись за моей спиной и откровенно любуясь собой в зеркале.

Закатив глаза, я стрельнула взглядом в Нину:

— Это Люцифер принудил тебя повесить у нас зеркало?

— Ну почему сразу принудил? Люцифер сам его повесил. Всё это мелочи, — махнула рукою она.

— О, вы уже собрались на борьбу с вредителями? — с кислой ноткой в голосе поинтересовался Вампал, лениво растянувшись на пороге кухни. — Сильно не переутомляйтесь, энергия — штука дефицитная! Надеюсь, мне не придётся составлять вам компанию? Хочу посвятить остаток дня совершенствованию мастерства сна.

— А я пока побегаю по потолку, — робко добавила Крошка, сидящая на столе. — Это отличное упражнение для сердечно-сосудистой системы!

— Вот бы мне твои заботы, — завистливо вздохнул Вампал и свернулся калачиком.

На улице таял недавно выпавший снег, наполняя воздух сыростью и промозглостью. Я устроилась на заднем сидении автомобиля Кирилла, за рулем — Люцифер, рядом с ним — Нина.

— Благослови, Господи, нашу сатанинскую колесницу! — торжественно вознёс руки Люцифер, резко их опустил и, заведя мотор, прибавил мощности обогреву.

— Люцифер, — терпеливо вздохнула Нина.

— Я хочу согреться! Я целых три минуты был на холоде. Еле добрался до машины, — аргументированно настаивал он. — Как вы вообще выживаете зимой?

— Ох, Люцифер, не ной, привыкнешь. Вернёмся домой, разрешу затопить печь и отпою горячим кофе, — примирительно предложила Нина.

— Может, хватит уже болтать и приступим к делу? — была полна решимости я. — Эту заразу нужно ликвидировать как можно скорее!

— Маски не забыли? — уточнил Люцифер.

— Какие еще маски? — удивилась я.

Пустынные улицы города, некогда заполненные толпами людей, теперь выглядели заброшенными и забытыми. Асфальт блестел влажностью, словно слёзы по жителям. Ветра гуляли по проспектам, перекачивая пустые упаковки и сухие листья, создавая мелодичное шуршание, словно остатки прошлых голосов.

Магазины, некогда сиявшие яркой рекламой и товарами, теперь стояли тёмными и молчаливыми, окна покрыты пылью и следами мокрого снега. Кафе и рестораны, где прежде звучал смех и музыка, сейчас хранили лишь эхо минувших времён. Уличные фонари над пустыми дорогами казались лишними и ненужными. Парковые скамейки стояли пустыми, не слышно было детского смеха или песен подростков. Ветер тихо гудел, словно напоминая о прошлом, о днях, когда здесь кипела жизнь, встречались судьбы и завязывались истории.

Наша машина медленно приближалась к центральной площади, где неожиданно взорвалась буря активности. Толпа народу, разгорячённая и взволнованная, скандируя лозунги, размахивала кулаками и плакатами с яркими надписями. Полиция едва сдерживала этот взрыв народного негодования.

— Что здесь происходит? — встревоженно спросила я.

— Митинг, — спокойно пояснил Люцифер. — Люди не верят в эффективность вакцины. Считают, что препарат несёт смерть в большей степени, чем сама зараза.

— Но как так? — разочарованно ахнула я. — Как же нам победить ее, если люди сами отказываются от лечения?

— Вот именно, — вздохнув, Люцифер слегка пожал плечами. — Не всё так просто, как тебе хотелось бы думать...

Я ничего не ответила, чувствуя, как непрошенная тревога невыносимо жжёт грудь.

В здании психиатрической больницы два здоровых санитаров волоком тащили по изношенному линолеуму отчаянно сопротивляющуюся женщину, крепко схватив её за подмышки. Ворвавшись в палату, они уложили её на сетчатую кровать без матраса, быстро закрепив её руки и ноги надёжными кожаными ремнями.

— Не жалею эту шкуру, — с угрозой бросил один из санитаров другому. — Она убила своих детей, выбросила их из окна. Казнь для таких вернуть!

Но только последний из них шагнул за порог палаты, как в эту же дверь вошла я и подошла к койке. Женщина яростно боролась с ремнями, растягивая их до предела, оставляя кровавые отметины на запястьях и лодыжках. Её глаза, полные безумия и боли, метались, а открытый рот клался зубами, словно животное, загнанное в угол.

— Вижу, мечешься внутри, больно за своих деток...

Я только хотела коснуться ладонью ее лба, как вдруг она изворотливо изогнулась и, резко приподняв голову как можно выше, чуть не цапнула меня за запястье.

Едва склонившись к ее лицу, я впилась в ее глаза своими:

— Я же все равно тебя вытащу из нее!

Ее глаза наполнились чернотой, а рот скривился в неестественной усмешке. Воспользовавшись моментом ее секундного замешательства, я наконец-то прижала бедняжку за лоб к кровати.

Нос женщины заострился, как клюв хищной птицы, глаза закатились, оставив лишь белые белки, кожа на лбу натянулась до предела, принимая болезненную маску ужаса. Руки одновременно расслабились и вытянулись в стороны, пальцы болезненно скрючились, напоминая когти древнего чудовища. Тело выгнулось аркой, готовое вот-вот сломаться. Бледная кожа позеленела и стала синеть. А я продолжала ее удерживать, даже когда ее рот открылся так широко, что, казалось, начнёт рвать щеки. И та черная огромная мощь, что вырвалась из ее рта, темное облако чистой тьмы, источающее древний, леденящий ужас, обрушилось на меня, отшвырнув к ближайшей стене с силой, достаточной, чтобы погасить сознание.

Но я не простая смертная! Приподнявшись на руках, я только и успела повернуть лицо в сторону койки, как чернота, приблизившись ко мне, готова была поглотить, измолоть, испепелить, уничтожить...

— Так-так-так, — послышался позади меня знакомый пафосный голос. — О, Элла, ты опять бездельничаешь? Всё бы тебе лежать!

Люцифер подал мне руку, помогая подняться, а затем повернулся к мрачной сущности и обратился к ней низким, замогильным голосом:

— Буфовирт! Вот ты где, крошка. Долго же ты пряталась в человеческом теле, проказница.

— Как ты тут оказался?

— Неужели ты думала, я оставлю тебя одну в таком положении, Элла? — изумился Люцифер. — Бороться с монстром одной — не лучший выбор.

— Так и чешутся руки перетереть эту крошку в панировочную смесь! — запылала я гневом. — Она заставила несчастную женщину убить своих детей!

— Подожди, Элла, — остановил меня Люцифер. — Этот вопрос я решу сам. Детей действительно постигла трагедия, но дай матери немного отдохнуть, скоро она воссоединится со своими птенчиками.

— На том свете? — еще пуще рассердилась я.

— Да ну почему на том? Им на этом еще долгая жизнь вместе предстоит. Да настолько долгая, что они замучаются престарелой мамаше стакан воды приносить.

Между тем громадная черная сущность трансформировалась в сексуальную женщину с черными крупными венами, проступающими под фарфоровой кожей. Опустившись на одно колено, она посмотрела на Люцифера черными глазами с жёлтыми зрачками.

— Выколи ей глаза! — потребовала я, кипя от гнева.

У правителя Ада поплыло лицо, когда он смотрел на меня, а после перевел взгляд на подчиненную:

— Незамедлительно разыщи своего мужа и возвращайтесь домой. Принимайтесь за свою работу. И смотрите мне, узнаю, что пострадал еще хоть один смертный...

— Кто эта Буфовирт? — спросила я.

— Жена Вельзевула, — пояснил Люцифер. — Последний раз, когда мы виделись, у них возникли разногласия, поэтому неудивительно, что она сбежала, как только представилась возможность. Ты слишком много болтаешь, Элла, мне пора заниматься вакцинацией.

— Много народу было? — осторожно поинтересовалась я.

— Ни одного...

Уже в госпитале, едва зайдя в отдел интенсивной терапии, я окунулась в ритмичную суету медицинских процедур. Каждые два-три часа приходилось доставать интубационные трубки пациентам на аппаратах искусственной вентиляции лёгких, освобождая их от слизи, чтобы предотвратить скопление опасных бактерий в дыхательных путях. Регулярно проверяла показатели давления вентиляции, определяла кислотно-щелочное равновесие организма, давая врачам возможность отдохнуть и восстановить силы перед сменами с бесконечными поступлениями зараженных.

Но что сегодня меня привело в замешательство — это некоторые бессознательные пациенты: задыхаясь даже на аппарате ИВЛ, с увеличенными грудными клетками бочкообразной формы, бледные и покрытые потом, в предсмертных муках, они всё никак не могли отпустить душу...

— Не-не-не, так не пойдёт! В этом мире так нельзя... — прошептала я, чувствуя, как внутри растёт тревога и появляется неприятное ощущение неизвестности.

Глава 5. Бойся своих желаний

Заплетая волосы в хвостик в ванной комнате, Люба вдруг замерла, почувствовав, как по спине пробежал леденящий холодок. В памяти промелькнуло нечто настолько страшное, что об этом даже подумать было невыносимо. На улице, на сером асфальте, лежали два тёмных, необычных предмета, и от них исходил едва уловимый ужас.

Скорее всего, это был просто мусор, который выбросили соседи из окна. Но что-то в этом было неправильно, и Люба не могла отвести от них глаз, разглядывая четкие, реалистичные очертания, словно их форма таила в себе зловещую правду...

Люба замерла, зажмурилась и, склонившись, закрыла лицо ладонями. Простояла так с долю минуты и вышла в коридор:

— Дети, идем кушать? — позвала она.

На столе уже стояли тарелки с вкусным ужином и по стакану сока. Веселье тут же наполнило кухню, когда сюда вбежал ее маленький сынок и дочка.

— Давайте садитесь за стол, мои хорошие, — улыбалась она со всей любовью, глядя на них.

— Мама, а когда уже вернется папа? — спросил малыш.

Лицо Любы омрачилось глубокой грустью, когда она посмотрела в глаза своих деток, что были точной копией глаз ее любимого человека. И она изо всех сил сдерживала слёзы, готовые прорвать плотину и залить сердце ещё большей тоской. Воспоминания о муже, недавно скончавшемся от ужасной эпидемии, оставили в душе пустоту, подобную бездне, в которую нет возврата.

Мысль о том, как теперь объяснить произошедшее детям, разрывала её на части. Та депрессия, когда горе затмило разум и хотелось уничтожить всё вокруг, включая любимых детей, а потом положить конец и собственной жизни, вновь всплыла в памяти, словно чёрный призрак прошлого. Как пережить это вновь, не допустить роковую ошибку и защитить себя и близких от ужаса воспоминаний?

Я оторвала взгляд от окна третьего этажа многоквартирного дома, плотнее кутаясь от сырости в пушистый воротник зимней куртки.

— Ну вот, я же говорил, что всё исправлю, — с гордостью сказал Люцифер.

Переведя взгляд на него, я приспустила защитную медицинскую маску:

— Только вот женщина продолжает думать о страшном, и это меня беспокоит.

— Неужели ты считаешь виновным меня или моего демона? — с лёгкой обидой возразил Люцифер. — Некоторых смертных не исправить даже вторым шансом. Она сама вынашивала мысли о грехе задолго до того, как крошка Буфовирт завладела её разумом, добавив лишь смелости воплотить задуманное, а не заставив ее это сделать.

— Крошка... — усмехнулась я.

— Позволь! — возразил Люцифер. — Ты паука тоже зовешь Крошка, а они считаются одной из самых страшных человеческих фобий.

Город утонул в сырости. Чёрные тучи сгущались над головой, словно заключили сделку с эпидемией, щедро впуская глубокую, страшную ночь, полную болезней и потерь.

Но даже среди этого мрака был тот короткий миг, когда сердце замерло от лёгкой радости за мать, воссоединившуюся со своими детьми. Он давал надежду, пусть и кратковременную, позволяя на мгновение забыть о смертельных болезнях, о страхе потерять близких и о страхах будущего.

И хотя это счастье было несовершенным, неполноценным, мимолётным, но оно напоминало, что даже в самые тёмные часы существуют моменты чистого света и покоя. И несмотря

на то, что мысль о будущем неизменно вызывала тревогу, всё внутри хотело хранить этот крошечный кусочек счастья как защиту от грядущих испытаний.

Оно легко приподняло меня за волосы, и когтистая лапа с набухшими лиловыми пальцами нанесла удар по лицу, от которого я полетела назад, врезавшись в мшистую, сырую стену. Промокнув с боку до нитки, я ощутила ледяную влагу, пробравшуюся сквозь кожу, и невольно поёжилась.

В связанной позе, с руками, чудом избежавшими перелома, я с трудом подняла пылающее лицо, чувствуя, как правый глаз померк, словно в нём потухла жизнь. На мгновение я ослепла, а затем зрение восстановилось, но изменилось: теперь один глаз видел всё обычным взглядом, а другой — словно рентген, проникая сквозь предметы и тела.

Я не успела даже перевести дыхание и привести себя в порядок, как это чудовище в фиолетовом камзоле снова материализовалось передо мной. Оно схватило меня за волосы, подняло вверх и поставило на ноги, чтобы я снова могла ощутить его смертоносное дыхание и холодные, неприятные пальцы, сжимающие мою голову.

Та любовь, которую я считала безусловной и сильной, теперь казалась мелкой и фальшивой, словно дешевая подделка подлинного чувства. Как неподходящая деталь пазла в собранной картинке вдруг портит весь рисунок. Горечь разочарования смешивалась с тоской, превращаясь в густой кислый комок, который невозможно было проглотить, когда видишь, как любимые черты, потерявшие свою привлекательность, а глаза — глубокую мудрость, стали пустыми и страшными.

— Ничего страшного... — равнодушно прохрипел он, задыхаясь от собственных слов. — Ты быстро регенерируешься! А вот значение человеческого существования минимально, их судьба бесполезна!

Мои ноги подкашивались, но я прилагала все силы, чтобы удержаться на них.

— Почему именно Земля? — хрипло спросила я, пытаюсь понять его мотивы.

— Куда занесло, там и обосновались, — небрежно махнул он рукой. — Наблюдать за крошечными людишками, которые тщетно пытаются бороться со мной, но всё равно гибнут, забавно и увлекательно. Тебе кажется, что я нуждаюсь в этой планете? Я просто развлекаюсь, наслаждаясь концом человечества. Я приготовил капсулы для нам подобных, чтобы вырабатывать для себя бессмертие. Но для тебя, единственной, подарившей мне сына, могу проявить снисхождение и сохранить жизнь, если ты согласишься стать моей королевой.

Я едва заметно вдохнула, на секунду закрыв глаза.

— Не находишь забавным, — продолжило существо, — что каждый вдох людей приближает их к гибели, а каждый выдох усиливает их боль? Нет? Не воспринимаешь этого как забавную игру? Не разделяешь со мной этой мысли? Тебя не возбуждает тот факт, что мы с тобой как творцы, только не подарившие им жизнь, а забирающие ее? Ты не сможешь им помочь в борьбе со мной, так сдайся же уже! Твои попытки тоже ведут к краху и твоей гибели.

Я прокрутила в голове каждое слово, взвешивая возможные последствия. Балансируя на тонкой грани между жизнью и смертью, свободой и рабством, я боролась с собственными эмоциями, чувствуя, как волны гнева и страха накрывают меня.

— Я согласна! — произнесла я, осознавая, что это единственное возможное решение, которое дало мне иллюзию выбора.

Оковы вируса мгновенно рассыпались, позволяя мне выпрямиться. Головная боль и ломота в теле мгновенно исчезли, уступив место свободе и лёгкости.

Я резко вскочила в постели, громко хватая ртом воздух, словно пытаюсь восполнить недостаток кислорода. Одновременно я начала растирать руки, которые невыносимо ныли и болели, будто насилие эпидемии надо мной случилось только что.

Предраассветная кухня, окутанная густой полутьмой, едва скрывала в себе Нину и Люцифера, сидящих за столом и готовых к новому дню по спасению человечества.

Я застыла на кухне, и глаза мои лихорадочно метались от стены к стене в поисках выхода. Мертвая тишина разорвалась от моего тревожного вдоха, пульсируя в голове тревожной мыслью и подчеркивая мою беспомощность.

Мои колени согнулись сами собой, опустив меня на пол, и руки тут же закрыли лицо.

— Мы не сможем спасти этот мир... Он обречен.

Люцифер резко встал из-за стола:

— Элла, тебя что, подменили?

Он подскочил ко мне и поднял на ноги.

— Я вспомнила... — беспомощно посмотрела я в глаза жгучего адского правителя. — Ему не планета нужна, он только хочет понаблюдать за гибелью человечества.

— Что? — возмутился Люцифер, и голос его стал низким и угрожающим, а глаза вспыхнули алым пламенем. — Я не позволю ему издеваться над людьми!

Я безнадежно усмехнулась и покачала головой.

— Элла... — вдруг прозвучал нежный шепоток откуда-то из полутьмы кухонного угла. Я обернулась и увидела крошечную фигурку, тихо плетущую серебристые нити. — Скоро ты станешь мамой, а я уже начала вязать тёплое одеяло для твоего малыша.

Люцифер тут же широко улыбнулся и победоносно указал рукой в сторону говорившей:

— Вот слышишь?! Даже наша очаровательная паучиха настроена оптимистично и совсем не собирается готовиться к апокалипсису. Значит, и тебе надо мыслить позитивнее!

Нина попыталась мягко возразить:

— Послушай меня, дорогая. Оставайся-ка лучше дома и постарайся отдохнуть. Тебе сейчас крайне необходим покой.

Но я решительно замотала головой:

— Нет-нет-нет! Сидеть одной со своими мыслями — последнее дело. Это точно сделает всё ещё хуже. А вообще, отдыхать больше всего сейчас нужно врачам нашего города!

Рядом с ним на лавочке в тихом городском сквере редко кто осмеливался присесть. Те редкие смельчаки, рискнувшие разделить его одиночество, вскоре уходили прочь, хватаясь за головы и морщась от внезапной боли.

«Вот именно, прекрасно, держитесь подальше», — думал он, словно медленно потягивая густой ядовитый напиток из чувства глубокого равнодушия и подавленной ненависти, приправленный едва уловимым оттенком невыносимого отчаяния. Каждый новый глоток становился чуть тяжелее, но покинуть этот мир, поглощающий душу, он пока не мог.

Его дни проходили в беспросветной серости и бесконечной меланхолии, пока однажды среди мрачного однообразия привычных улиц не блеснула искра надежды. Как будто яркий солнечный луч внезапно пробился сквозь густую завесу облаков, заполнив сердце ранее незнакомым ощущением радости и вдохновения.

Именно тогда, спеша по своему обычному маршруту из дома в учебное заведение, мимо знакомого городского сквера промелькнула она — хрупкая девушка с золотистыми волнистыми локонами из-под шапки. Её аромат, наполненный свежестью весеннего утра, мгновенно окутал его сознание, словно даря глоток свежего воздуха после долгой зимы заточения. Только вот настроение её слегка омрачалось недавним разрывом отношений с молодым человеком. Теперь девушка жаждала встретить новую большую любовь — сильную, пламенную и нежную, которая сможет заполнить образовавшуюся пустоту и подарить незабываемые чувства.

И теперь в его душе зародилось странное чувство, которому трудно было подобрать название: желание следовать за ней повсюду, боясь потерять даже на мгновение тот магический контакт, подаривший новую цель существования.

Она училась в университете, и сияла среди своих одноклассниц невиданной им прежде чистотой и красотой. Она заливисто смеялась, освещая всё вокруг и словно опаляя его невиди-

мым очищающим пламенем. Он не оставлял её ни на минуту. Она была доброй и внимательной к другим, вежливой с родителями и беспечно весёлой с детьми. Его мечта, его любимая!

Неведомая доселе сила неудержимо тянула ближе к ней, заставляя страстно мечтать почувствовать прикосновение её бархатистой кожи. Однако стоило лишь приблизиться, как она начинала дрожать, резко отступала назад, становясь холодной и неприступной, словно загнанный в ловушку зверёк.

«Подожди... Почему ты убегаешь?» — молча вопрошал он, жадно втягивая воздух, пропитанный свежим запахом её тела. Но она продолжала пятиться дальше, испуганно сжимаясь в комок, будто чувствуя невидимую угрозу там, где он видел лишь любовь.

Её ужас перед ним рос с каждым днём. Она куталась в одеяло, приглашала подруг оставаться на ночь, окружая себя дополнительной защитой от неизвестного зла, которое сама не понимала.

«Разве моей любви недостаточно? Разве меня одного тебе мало?» — негодовал он, испытывая горечь отверженности.

Казалось бы, должно быть достаточно. Ведь вокруг царил идеальный уют и тишина, которую нарушали шаги в квартире да тихий шелест штор на закрытом окне. Тем не менее, она настораживалась при каждом шорохе, услышанном ей одной, нервно озиравшись по сторонам, ожидая опасности.

«Не бойся, любимая, я рядом!» — успокаивал он её, пытаясь вновь прижаться ближе, но тщетно. Страх проник глубоко внутрь неё, став преградой между ними обоими.

Заглянув в служебное помещение, я закапала в зеркальный глаз капли и с помощью кушона аккуратно скрыла проступающие на лице шрамы.

За широкими окнами длинного больничного коридора уже давно стемнело. Три часа ночи. Навстречу мне встретилась медсестра, двигаясь замедленно и неуклюже, и едва не роняя из рук планшетку.

— Машенька, ты чего не спишь? — спросила я, забирая у нее планшетку.

— Так новую пациентку привезли с признаками вируса, — сообщила она, глядя на меня утомленными покрасневшими глазами.

— Так... Один пациент за последние три часа — это уже прогресс! — улыбнулась я, бегло читая анамнез по планшетке. — Хватит с тебя, иди быстрее отдыхай, всё остальное я возьму на себя!

— Но как же так, Элла Александровна?.. Вы сами ведь двое суток не спали.

— Ну как это не спала? Очень даже спала! Отдыхай спокойно, я позову, если понадобится помощь.

— Она очень странная... — прошептала медсестра, выглядывая за моё плечо.

— Кто? — обернулась я.

— Новенькая...

Проводив Машу в ординаторскую, я прошла мимо поста медсестры с горящим ночником, которая спала в сидячем положении, уронив голову на стол, и подошла к кушетке в коридоре, склонив голову над новенькой.

— Кто вы? — шевельнула плечами она.

— Я ваш лечащий врач. Как вы себя чувствуете?

— Вы не врач! Вы вообще не человек...

Приглядевшись к ней, я увидела, что новенькая смотрит вовсе не на меня. Ее глаза были открыты, но в них не было окружающего отражения, лишь пустота, туманная и таинственная, плавающая в глубине души. Ее взгляд был как заблудившийся корабль, потерявший ориентиры. Она смотрела в никуда, стремясь увидеть весь мир через сильный страх.

Внезапно застыла и я, глядя в пустоту, отчего даже ощутила, как напряглись мои шрамы на вспыхнувшем огнем лице, и тот глаз, который я так тщетно пыталась скрыть от смертных, снова стал мутным, а это значило, что его снова необходимо замаскировать.

— Вы тоже их видите? — дрожащим голосом переспросила девушка едва слышно.

В кармане моего халата завибрировал телефон, и я поспешила ответить:

— Да, Нин? Да... Я тоже это видела! Почему я вообще теперь это вижу вместе с тобой?!

«Почему ты начала себя плохо вести? — начал злиться он. — Зачем пошла в церковь?»

Величие храма среди частного сектора, стрельчатые витражные окна, колокольня с крестом и купола коробят его! Ему невыносимо даже рядом стоять, хотя он всеми силами хочет сделать шаг вслед за ней!

«Зачем ты разговариваешь с этим мерзким священником... Зачем звонишь ему постоянно?! Неужели только из-за того, что я кинул в стену твою старую вазу?!»

Он вдохнул и усмешливо покачал головой, взглянув себе под ноги. Прямо над его головой тучи стали еще чернее, образуя воронку, готовую поглотить всё, что находится рядом с ним.

«Сколько можно жаловаться подругам? Эти глупые дуры советуют тебе переехать... А я не хочу! И мне не нравится, что ты ночуешь у них. У одной кошка, которая спит у тебя на груди, не подпуская меня к тебе. И только когда ты дома и спишь, я наконец всласть могу прикоснуться к тебе, но от моих прикосновений на твоей коже остаются синяки...»

В утреннем городе тишина стояла абсолютная. Город, укрытый пеленой ранних сырых сумерек, казался мертвым. В частном секторе где-то вдалеке поскрипывали створки окон или звякали цепи сторожевых собак, и вороны, сидящие на голых ветках высоких тополей, переговаривались негромкими хриплыми криками.

Я остановилась у ступеней старинной церкви с каменной кладкой стен. Поднялась вверх, открыла большую массивную деревянную дверь, увидев лики святых, глядящих на меня с икон со стен и круглых потолков. Они создавали для меня ощущения волшебства и тайны. Здесь царила интересная атмосфера, которую я никогда и нигде не ощущала. Мне вдруг стало спокойно как никогда.

Возле алтаря справа у большой иконы низенькая бабушка в черном одеянии убирала огарки свечей в урну. К ней я и направилась.

— Здравствуйте, а как бы мне увидеть батюшку Алексея? — приспустив медицинскую маску, спросила я.

Старушка обернулась и приложила палец к губам:

— Что же ты такая шумная в храме? Горе у него дочка, нет его здесь.

— А как мне его найти? — прошептала следующий вопрос я.

Он прошелся ладонью по синякам на ее руке:

«Даже они на тебе прекрасны... Слышишь? Плачешь... Плачь, ты красива в этом состоянии. Больше священник тебе не поможет!»

Дом батюшки стоял недалеко от самой церкви, скрытый ветвями высоких елей, растущих в ограде. Мне еле как удалось его обнаружить по ощущению спокойствия, похожему на тот, что я почувствовала в церкви. Он схож с человеческими материнскими объятиями, которые испытывают их дети.

Открыв калитку и войдя во двор, я прислушалась к собственным ощущениям: здесь сразу закончилось спокойствие, и над домом уже властвовал страх, огромный, черный, облепивший собой все наружные стены дома.

— Очень интересно! — удивилась я на подходе к старенькому деревянному крыльцу. — Батюшка Алексей?

Окружающее пространство дышало тревогой и напряжением, как будто невидимая угроза незаметно накапливалась, готовая вырваться наружу.

— Я больше никому не помогаю! — отрезал мужчина, выглянув из дома. — Уходите.

— Подождите... — Я сорвала с лица маску. — Мне не нужна помощь, вам нужна!

«Не поможет тебе батюшка, не поможет больше! — нашептывал он специально, чтобы она наконец одумалась и больше не искала помощи. — Никто тебе не поможет!!! Ну ладно, прости...»

Он понимал, что она уже сдалась, ведь не отстраняется от новых прикосновений, отчего он хочет большего уже давно...

«Иди сюда, любимая, я тебя поцелую... Нет? Не хочешь? Куда ты бежишь? Стой! Обуйся, простынешь!» — закричал он, но вдруг встал как вкопанный за ее спиной, когда она открыла дверь. — «Кто этот парень? Нет, кто он?»

Он чужого еще не встречал, чувствуя, как раздуваются ноздри от знакомого жуткого гнева и сжимаются кулаки.

«Когда ты успела его вызвонить? Какого черта он приехал так быстро? Какого дьявола он тебя обнимает?! Убери руки, ты! Ах, так это твой бывший...»

Гнев обрушился, словно огненный смерч, сметая все на своем пути. Мощный шквал эмоций завладел его разумом, наконец-то разрушая границы контроля и сдержанности. Мир, уже давно ставший черно-белым, окрасился полностью в черный, и каждая клеточка организма затребовала выпустить накопившуюся энергию, обратив гнев в мощный взрыв.

— Кто это сделал? — обеспокоенно спросил бывший, схватив ее за руки и тревожно рассматривая синяки. — Ты обращалась в полицию?

— Нет... — закрыла она лицо руками. — Это сделал не человек...

Батюшка тяжело вздохнул, качая головой с выражением глубокой скорби. Его красные, воспалённые глаза увлажнились, словно проливали последнюю надежду вместе со слезами.

— Я не сумел помочь ей... Понимаешь, какая-то непонятная, жуткая сила беспощадно преследовала ее, вынуждая страдать бесконечно. Ночью оно пришло и к моему изголовью, пыталось задушить меня, парализовав волю и свободу действий. Я хотел бороться дальше, спасать, защищать, но понял, что спасение дочери дороже ее собственного спасения...

Я настороженно приподняла бровь, ожидая продолжения объяснения.

— Светочка, подойди сюда, пожалуйста, — сказал батюшка голосом, полным отчаяния и горя.

Из глубины комнаты появилась молодая девушка. Простой платок закрывал её голову, а глубокие мудрые глаза смотрели на нас спокойно и грустно. Она замерла перед нами, наблюдая за реакцией отца.

— Покажи, доченька... Покажи, что произошло, — попросил священник, зажимая дрожащими пальцами губы, чтобы скрыть рвущиеся наружу рыдания.

Светлана послушно развернулась, подняла футболку и обнажила спину, покрытую свежей красной отметиной — перевёрнутый крест, чудовищно выгравированный когтистой рукой, смотрел на нас угрожающе.

— Помоги мне, умоляю? — рыдала белокурая девушка, вцепившись в ошарашенного бывшего. — Умоляю? Не нужно было нам расставаться, мне так плохо без тебя...

Охваченный ненавистью и жадой возмездия оттого, что она любит бывшего, оттого что она предательница, тот чужой взвился в воздухе и сбил ее с ног, а затем швырнул и соперника, который отлетел и ударился головой о ступень лестницы, по которой тут же стекала его бордовая кровь.

Схватил ее за волосы, поднял в воздух, посмотрел безумно и яростно, бессвязно закричал, поднимая еще выше и бросая предательницу вниз по лестнице. Кубарем слетела, упала на пролете, не шевелясь...

И он падает следом на колени, не дышит:

«Бедная, бедная моя...»

Слабый стон вырвался из ее окровавленных губ, но пошевелиться она не может, что и побудило его на следующий шаг:

«Нет, не дам тебе жить!!!»

Он решительно опустил свои черные лапы ей на грудь и принялся зверски давить:

«Ты моя, ты всегда будешь моей. Ты станешь призраком. И тогда мы будем вместе!»

Её полумертвые глаза, направленные на него, вспыхнули диким животным ужасом.

«Видишь меня? — торжествовал он. — Видишь...»

Как вдруг сильное напряжение заставило его расправить руки в стороны и изогнуться, пропустив через себя сотни невидимых игл.

Спустившись по лестнице, я, игнорируя инстинктивный страх, крепко схватила его голо-вешкообразную рогатую голову, поражённую язвами и гнилью, и уверенно прижала ее к бетонному полу. Запах гниющей плоти слегка помешал сосредоточиться, заставив прикрыть нос рукавом свободной руки.

А он, воспользовавшись моментом, развернул голову на сто восемьдесят, впившись в меня маленькими красными глазёнками и демонстрируя ряд острых зубов, расправляя крылья, черные, рваные, как паруса несущего смерть корабля пиратов.

Я успела заметить подготовку к нападению и, подняв указательный палец, остановила его:

— А-а-а!!! — и после посмотрела вперед перед ним.

— Немедленно отправляйся обратно в Ад, Вельзевул, — прогремел низкий голос, полный власти и неодобрения.

Демон покорно опустился на колени и тут же растворился в воздухе.

— Элла! Как тебе вообще пришло в голову идти один на один с этим монстром? — Люцифер вскрикнул возмущенно.

Не понимая его негодования, я пожала плечами:

— А что здесь такого? Ранее я и без тебя справлялась, и даже без Кирилла...

— Но ранее ты не была беременна! И ранее тебе приходилось связываться с мелкой шушерой.

— Спасибо за заботу, Люцифер, — вдруг поймала я себя на мысли, что благодарна ему за заботу, но промолчала об этом. — Хватает твоей шушеры, чтобы запустить Ад?

— Грехи все собрал кроме Похоти, вот и монстряга мой со своей супругой вернулись... — ведя про себя расчеты, нахмурил брови правитель загробного мира. — Разве что едва запустить... Но несмотря на это я запрещаю тебе, не жалея себя, собирать мой штат! Ты слышишь?

— Люцифер, а как быть с теми, кто не может умереть?

— Будем надеяться, что, слегка запустив мой теплый уютный дом, мы сможем решить эту проблему... — неуверенно ответил он.

В госпитале, убрав ладони с Юлиной груди, я поправила одеяло, когда она пришла в себя. Голова ее была перебинтована, лицо синее, открывался только один глаз.

— Не волнуйтесь, вы идете на поправку, — подмигнула ей я из-под маски.

— Что со мной произошло? — хриплым шепотом спросила она. И каждое слово давалось ей с трудом.

По ней читался страх. Дикий страх, парализующий тело, когда в голову стали приходить воспоминания.

— Не напрягайтесь, — попросила я. — Это больше не произойдет.

— Но как? — она не верила услышанному. — Мне даже священник не помог...

— Как это не помог? Батюшка как раз и нашел выход, — заверила я. — Отдыхайте и набирайтесь сил.

— А...

— С вашим молодым человеком тоже все хорошо!

— Откуда вы знаете про это...?

Утро началось с рассвета, принесшего новость, что один из безнадежно больных пациентов, многие месяцы страдавший от тяжёлого вируса, наконец покинул этот мир. Почувствовав впервые за долгое время облегчение, я позволила себе свободно вздохнуть. Наверное, Люциферу всё-таки удалось запустить своё знаменитое заведение, которое он именует домом? Тогда, возможно, обреченные больные также найдут покой, покончив с безнадежной борьбой за жизнь.

Тщательно продезинфицировав палату, мы определили слепую пациентку из коридора на освободившуюся койку. А я уже стояла возле нее, глядя на черно-белый снимок:

— Должна заверить вас, что вы идете на поправку. — ободряюще сказала я. — Заживление и фиброз легких проходит достаточно хорошо!

Она кивнула, не поворачивая лица в мою сторону.

— Тебе страшно рядом со мной? — осторожно поинтересовалась я.

— С вами нет. — призналась она, сохраняя прежнее положение тела. — Просто боюсь видеть мертвых. Они везде, их здесь столько... Дедушка, который умер на этой кровати, теперь сидит напротив...

Закрыв глаза, я нахмурилась, задумываясь, не означает ли это неудачу Люцифера с открытием Ада, или этот дедушка не его «пациент»?

Я аккуратно присела на край кровати.

— Знаете, вы похожи на источник спокойствия и доброты, — вдруг сказала она, поворачивая голову в мою сторону, но глядя куда-то выше моего лица. — Только у вас лицо покрыто ранами, а глаза вовсе не человеческие...

Я буквально на долю секунды расширила глаза, но после разулыбалась.

— А хочешь, я избавлю тебя от этого неприятного дара? — предложила я.

— Вы сможете? — обрадовалась она.

— Без сомнений, — уверенно заявила я. — Давай-ка твою ручку сюда.

Глава 6. Проклятые сумерки

Каждый вечер город казался мертвым, словно попадал под власть древнего проклятия. Сквозь угасающий дневной свет улицы погружались во тьму, и единственное, что еще напоминало о том, что здесь живут люди, это зажигающийся свет в окнах домов.

После двойной смены я прогуливалась по проспекту и видела такой пустынный город впервые. Вокруг меня не раздавалось ни единого звука, кроме шепота умирающего ветра, обвивающего фасады зданий и разбрасывающего мусор из переполненных урн, которые теперь очень редко опустошали службы.

Стараясь как можно меньше покидать свои жилища, люди будто бы знали, что у эпидемии есть физическая оболочка и она властвует над этим городом, лихо заражая любого, кто попадется у нее на пути. И запах зимы теперь был не свежим и морозным, а имел кисловатый оттенок вперемешку с гниющей плотью.

С потемнением городской транспорт, которого оставалось единицы по каждому маршруту, а некоторые и вообще закрылись, прекращал свое движение, так распорядилась власть. Продовольственные магазины уже были закрыты, им было разрешено продавать не более четырех часов в сутки, и они разрывались на доставки, которые останавливались резко, стоило наступить вечернему часу. А я все шла вперед с ощущением, что город превратился в одну большую декорацию для спектакля.

Мобильный пункт Люцифера одиноко приютился на пустой стоянке возле закрытого торгового центра, чей остекленный фасад тускло поблескивал сквозь пелену сырой снежной крупы. Центр молчал, словно мертвец, а огромные панели окон выглядели пустыми, готовыми прожечь взгляд смертных, иногда проходящих мимо.

Резкий вой сирены разрезал наступающие сумерки, заставив меня невольно вздрогнуть. Предупредительный сигнал громко извещал оставшихся горожан о наступлении последнего срока возвращения домой.

— Элла, ты чего тут гуляешь одна? — возмутился жгучий брюнет.

— Тут нечего бояться, все дома сидят.

— Все равно надо было позвонить мне, я бы тебя встретил. Ты в положении! — укоризненно заметил он, впуская меня внутрь пункта.

— Люцифер, перестань становиться мне папой!

Оставив куртку и шарф в маленькой гардеробной, я очутилась в небольшом помещении, служащем кабинетом вакцинации. Люцифер приветливо общался с последним посетителем, обрабатывая плечо мужчины спиртовой салфеткой.

— Будьте здоровы, берегите себя, — доброжелательно проводил пациента Люцифер, сопровождая словами наставлений. — Не забывайте носить маску, лишним в деле профилактики не будет.

Я улыбнулась его неожиданной доброте и заботливости:

— Люцифер, не могу к тебе такому привыкнуть!

— Я вообще всегда таким и был: добрым и заботливым, а вот мои подчиненные злые, как собаки, — добродушно пожал плечами он и подал мне руку: — Пошли, попьем кофе. У меня еще час. Элла, как ты себя чувствуешь?

Но я прошла без его руки, игнорируя его вопрос.

— Много сегодня пришло людей?

— Ты знаешь, человек пятнадцать, — радостно отвечал он. — Элла, ты курить бросила?

— Люцифер! Никотин влияет исключительно на мою человеческую оболочку...

— Элла!

— Да не курю я уже давно, — с возмущением ответила я, заметив, как уже начала оправдываться перед тем, кого вообще серьезно не воспринимала.

Я бегло коснулась пальцами заполненных бланков на столике и покачала головой:

— Это ничтожно мало по сравнению с населением города... Это мало... Надо придумать что-то такое, отчего человеку хотелось бы сохранить свое здоровье, несмотря на страх перед вакциной.

— Элла, давайте будем терпеливы к человеческому роду? Люди противоречивы, такими их уж создали... Они всегда боятся чего-то нового.

— Нет времени, Люцифер!

— Ты присядь, отдохни.

Я развернулась к нему, когда мои глаза уже блеснули искрами идеи:

— Слушай, а у тебя в правительстве есть связи?

— Конечно, а что?

— Нужен какой-то знак людям, который поможет свободно выходить на улицу после прививки, понимаешь? Если люди привиты, они больше не несут опасность заражения, а значит, могут свободно посещать кафе, кино и так далее. Вернуться к работе, в конце концов.

— Элла, а ты могла чуть меньше сидеть в логове своего бывшего, чтобы как можно раньше толкнуть эту идею? Я же говорил Нине, вот вернешься ты, и все пойдет как по маслу. Всем привитым будут автоматически отправлять уникальный код, позволяющий вести обычный образ жизни, — восторженно одобрил Люцифер, хлопнув ладонью по столу. — Элла, я тобой восхищаюсь!

— Как ты думаешь, мы сможем ее победить? — хрипло спросила я, стараясь как меньше показывать свой собственный страх и сомнения.

— Конечно! — хотел подбодрить он меня. — Да как поджечь адский котел с грешниками.

— Люцифер, а можно тебе продать душу за спокойствие на этой планете? Чтобы все стало как раньше?

Адский брюнет рассмеялся:

— Нет, Элла, ни за что! Ты душу мне продашь, но от тебя покоя ожидать не стоит! В могилу меня еще загонишь.

— Люцифер, мне нужно обратно!

— Если хочешь лишиться своей беременности, — указал он взглядом на мой живот, — то можешь искать пути. Но я тебя не благословляю на это и знай, найду везде, где бы... Где у вас находятся такие, как вы, после смерти?

— А как долго нам их ждать?

— Ну, если брать в расчет то, что ты там, как говоришь, была недолго, а вернулась через четыре года, то... — он вдруг замолчал.

— И как я в нем не разглядела зло? — коснулась я ладонью лба в отчаянии.

— Перестань себя корить. Любовь всегда слепит нам глаза, а потом мы начинаем замечать недостатки нашей второй половинки и видим его истинное лицо. Послушай, Эль, не хочешь поговорить о малыше? — с особенной заботой предложил Люцифер.

— Не до него пока... У меня неизвестно что с живым сыном!

— Но твой малыш тоже уже живой. Ну ладно, хорошо, видно, еще не пришло время, — сказал Люцифер.

— Я не смогла защитить весь мир, не разглядев в бывшем угрозу, как мне сейчас защитить беременность?

— Мы ведь рядом. Мы не дадим тебя в обиду. Мы позаботимся о тебе и о малыше. Так! Ты страдаешь одним из моих грехов, не порядок.

— Каким это?

— Унынием. Совершенно перестала верить в чудо, — он посмотрел на наручные часы.
— А хочешь, я тебе его покажу?

Я встряхнула головой. Отец лжи обманет хоть кого. Вот и на меня обманчивое впечатление произвел Лукавый. Но его глаза смотрели с пониманием и, казалось, знали абсолютно всё, ежесекундно разгадывая миллион гипотез, пропустивших через себя грешников! Зачастую его открытые внимательные глаза всегда ищут самые запретные желания, выискивают грех. Его амплуа навеки автоматом запечатлели в глазах Дьявола подозрение, даже если он никого не подозревает.

Когда мы вышли из прививочного пункта, на улице было уже темно, и тяжелый снег из недавней крупы лениво кружился в воздухе хлопьями, укрывая город сырым саваном. Улицы тонули в новой влаге, приминая прошлогодние листья и грязь, которые снова выглянут утром, даже не успев как следует промерзнуть.

Частный сектор, по которому мы шли, словно замер. Единственными звуками здесь были наши даже не хрустящие, а хлюпающие по снегу шаги с Люцифером.

Сквозь непроглядную стену снежного марева, озаряемого лишь мягким свечением Луны, возникла живописная картина: знакомое здание с белыми кирпичными стенами и изящными куполами, уютно расположившееся среди частного сектора. Свет фонарей отсутствовал, делая мое видение завораживающим и погружая в мистическую атмосферу, словно призрачные очертания храма возникли из снежного миража, чтобы напомнить о божественных истинах, забытых в повседневной суете городской жизни.

— Люцифер, ты что, собираешься зайти в церковь?

— Да! А что здесь такого?

— Но там как бы добро, а ты... Сам понимаешь.

— О, Элла, хватит болтать, пошли уже, — потянул меня за руку он. — У меня уже пальцы на ногах замёрзли.

В просторном храме царила та самая особая, едва уловимая тишина, прерываемая лишь тихим гулом голосов немногих прихожан, собравшихся на службу. Батюшка спокойно передвигался по алтарю, совершая привычные действия, словно никакого события, произошедшего накануне, и не существовало вовсе.

— Отец Алексей? — обрадовалась я.

На что Люцифер приложил палец ко рту и шепнул:

— Имей уважение, Элла, здесь не шумят.

Прихожане в масках слушали батюшку с почтением и вниманием, преклоняя головы и следуя за ритмом службы. Никто не догадывался, что всего сутки назад этот же священник испытал настоящий ужас, столкнувшись с таинственной угрозой, поразившей даже его собственную дочь.

Но несмотря на произошедшее, батюшка вёл службу с той же душевной чистотой и ясностью, будто страшные события не оставили в его сердце и памяти ни малейшего следа. Он продолжал исполнять свой пастырский долг, поддерживая в людях веру и надежду, и только внимательное наблюдение могло заметить небольшую слабость и следы стресса в его поведении, проявлявшиеся лишь мимоуслышно.

— Это ли не чудо? — склонившись ко мне, снова шепнул Люцифер. — Он всё забыл и продолжает свою работу.

— Люц! — заметил его батюшка, обрадовавшись. — Присоединяйся к нам.

Я тоже хотела приветливо помахать батюшке, но Люцифер перебил меня:

— А тебя он тоже не помнит. Пошли присоединимся?

Не понимая происходящего, я отрицательно покачала головой:

— Мне нужно домой... И не нужно меня провожать, я вполне самостоятельная девочка!

По соседству с нашим домом старая женщина гребла снег черной пластмассовой лопатой, будто с надеждой, что он не растает к утру. И, увидев меня, замахала рукой, широко улыбаясь.

— Здравствуйте, баб Наташ, — сравнялась с ней я.

— Здравствуй, Эля. Как твои дела? Так давно тебя не видела.

— Да, были дела... Нужно было уехать из города.

— С вашим заселением здесь стало как-то тепло и уютно, — похлопала меня по плечу она. — Как малыш? Ты совсем с ним не гуляешь, занята?

Я застыла с приоткрытым ртом. У соседей уже возникают естественные вопросы, на которые ответить намного сложнее, чем защитить их от нечисти.

— А как Кирилл? Он тоже уехал по работе?

Влетев в дом как обезумевшая, я увидела Нину, упаковывающую вещи в коробки.

— А... — растерялась я.

— Да! Мы же переезжать собираемся, — словно угадав мой вопрос, тут же ответила она, не отрываясь от своего занятия.

— Ох, теплеет наконец-то, — потер себя по рукам Люцифер, выйдя в кухню.

— А ты тут как уже оказался? — изумлённо всплеснула я руками.

— А я тебе говорил: оставайся со мной, доберемся быстрее, — ответил он, поглядывая на кастрюлю на плите. — Нина, там суп разогрелся?

— Похоже, уже перегрелся и сгорел.

— Эх, ну и беда, все равно недостаточно горячий, — огорчился адский правитель.

Прямо сверху из люстры спустилась Крошка с весомым паучьим чемоданом, сотканным из свежей паутины:

— Я готова! Теперь на новом месте найду уютный уголок и построю в нем дворец.

Следом вбежала Вампал, размахивая поводком в зубах:

— Вас опять посетили слишком активные идеи? Как хорошо, что у меня из вещей только моя шуба и поводок. Ходить туда-сюда — слишком переоцененный труд. Зачем ходить так далеко, если все нужно рядом?

— Ты предлагаешь переселиться из дома в хозблок во дворе? — хохотнул Люцифер.

— А как же прививочные пункты?

— Не переживай, Элла, я посажу туда своих, — заверил Люцифер.

— Кого? — возмутилась я. — Вот как раз твоих и не стоит...

— Успокойся, Элла, — терпеливо вздохнул адский брютет. — Самых верных подчиненных.

— А как же твой Ад? — спросила я, понимая, как он жертвует ради спасения человечества.

— Те, которых мы успели вернуть, слегка его растопили, и из льда вышло много моей славной нечисти, которая не успела свалить. Поэтому они помаленьку, потихоньку все налаживают.

Непроизвольно я обратила внимание, что внутренняя защита, возведённая мной против Люцифера из-за сильной неприязни и недоверия, начала таить.

— Откуда в аду добрые и вежливые? — спросила я с улыбкой, но теперь уже без всякой задней мысли.

Напряжение нарастало внутри меня, когда я, преодолевая внутренние страхи, осторожно спустилась в подвальное помещение, где находилась старая магическая комната. Под ногами хрустело битое стекло, разбросанное по полу, словно осколки моих воспоминаний. Повсюду валялись обломки повреждённой мебели, подчеркивая заброшенность и опустошённость помещения. Передо мной зияли пустые полки, когда-то заполненные магическими артефактами и предметами, хранящими воспоминания о прошлом.

И хотя я столько дней не решалась сюда спускаться в страхе ощутить предательство перед Кириллом, я, напротив, словно попала в прошлое, ощутив светлые минуты нашей с ним близости, которой я тогда сопротивлялась. Я чувствовала всплеск тех дней, когда рядом со мной был Кирилл. И с этим местом мне придется сейчас проститься навсегда...

Но, вновь вернувшись в пустую реальность, я резко развернулась.

— Кирилл? — обрадовалась я, крепко его обняв. Однако, открыв глаза, я обнаружила, что в моих объятиях находится Люцифер. Я немедленно отстранилась.

— О-о, Элла, как ты резко переобулась, — шутил он. — Ты замужем. На что ты меня толкаешь, проказница?

Я отвела глаза в сторону, ощутив, как нахмурились мои брови.

— Как же я могла так бездумно уйти с бывшим и бросить Кирилла? Если бы я этого не сделала, он бы сейчас был с нами!

В ночной гробовой тишине я стояла возле грузовичка и с тоской смотрела на наш уже прежний дом, который когда-то был тёплым очагом и источником радости, теперь предстал передо мной словно чужой, пустой и безжизненный. Окна смотрели на меня равнодушно, словно мёртвые глаза, в которых отразилась боль потери и заброшенности.

Вот еще вчера здесь кипела жизнь, был уют и строились планы, а сегодня он изменился, став холодным и чужим. И теперь запустение и тишина вмиг наполнили пространство рядом с ним.

Горькое чувство утраты и щемящей тоски поселилось в сердце вместе с неизбежностью перемен. Это первый частный дом, который я полюбила, это первое мое жилье из всех, которое мне стало самым дорогим.

— Элла, ну хорош уже, — крикнул Люцифер, сидя за рулем. — Не бойся, Кирилл по возвращению найдет тебя хоть где.

Кивнув, я устроилась рядом с ним. А следом за нами на машине Кирилла с Крошкой и Вампалом поехала Нина.

Наше следующее место жительства в новом городе состояло из двух больших уютных комнат, оклеенных старенькими, но чистыми обоями. Их соединял длинный коридор и заканчивался санузелом с ванной и вел к маленькой кухоньке.

Распаковывая вещи, я еще чувствовала тягу к прежнему дому, брошенному там... Однако одновременно отметила, что эта квартира довольно удобная, вытесняющая тоску и грусть, с широкими окнами, впускающими много света, с приятной и чистой атмосферой.

Я поставила коробку в дальней комнате и подошла к окну. И мой взгляд задержался на женщине, стоящей на детской площадке и говорящей с кем-то. Жесты её были чёткими, целенаправленными, словно она передавала важную информацию собеседнику. Только перед ней никого не было, лишь одна сплошная пустота...

Глава 7. Кровавый пир

Прекрасное бархатное небо светлело, освобождаясь от мрака ночи, прорубая первый луч восходящего солнца. Победа света над тьмой наполняла город новой жизненной энергией, вселяя надежду на преодоление невидимого врага, разлучавшего людей с близкими и возможностями обычной жизни. В этот момент небесная красота контрастировала с трагизмом человеческих судеб, словно природа намекала, что даже в самых мрачных обстоятельствах остается место для возрождения и новой надежды. Неужели нам удалось хоть на миг ослабить мертвенную хватку эпидемии, раз впервые за все время яркий солнечный луч пробился сквозь толстенный слой серых туч, несущих сырость?

Но в то же время среди холодной, почти сюрреалистической пустоты улиц чувствовался зловещий зов смерти, словно чёрный эфир, охватывающий город. Городская тишина разрывалась пронзительными сиренами машин скорой помощи, непрерывно прибывавших на срочные вызовы, связанные с эпидемией.

Накануне Нового года счастливой молодой семье улыбнулась удача: они оформили сделку по покупке квартиры в трехэтажной новостройке в тихом районе на окраине большого города. Уютный двор радовал идеальной чистотой и огромной детской площадкой. В каждом подъезде за чистотой следили консьержки. А сама квартира впечатляла высокими потолками и широкими пластиковыми окнами, впускающими много света.

Наташа разобрала последнюю коробку с керамическими животными и вазами и встала на ноги, при этом вдохнув. Приятная усталость овладела телом. Создавать собственный уют в долгожданной квартире — нелёгкое дело, но при этом крайне приятное! Молодая мама с пару секунд полюбовалась маленьким сынком, занятым на полу игрушками, зевнула и уставилась в окно, придя в ещё больший восторг.

Там, на улице, как будто ожила вечерняя сказочная иллюстрация, написанная кистью мастера. Тонкий, не тронутый следами человеческой активности белоснежный ковёр едва укрывал землю мягким голубоватым оттенком, смягчая углы под темнеющим небом, наполненным звёздами.

Сажены не успевших вырасти деревьев и небольших кустов оделись в снежные платья, и ветки их казались невесомыми, словно созданы из чистого кристаллического стекла. А лампочки гирлянд в домах напротив искрились, сплетаясь с дворовыми фонарями и придавая праздничное настроение.

На детской площадке не было ни единого следа, но так хотелось поскорее нарушить этот девственный покров и окунуться в зимнюю сказку вечера. Прогулка по такому двору способна подарить минуты подлинного счастья, наполнить сердце радостью и позволить снова пережить те чудесные моменты, когда зима была любимой гостьей, а снежные вечера приносили неподдельную радость и счастье.

— Мишка, пойдём гулять? — с улыбкой обернулась Наташа, любуясь пейзажем за окном. — Посмотри, какая сказочная погода сегодня!

— Где? — вскочил пятилетний мальчуган, подпрыгивая от нетерпения. — Мам, я думал, там уже целая гора снега выросла!

Наташа весело рассмеялась.

— Мам, а когда мы ёлку наряжать будем? — взволнованно спросил Мишка, предвкушая праздник.

Наташа погладила сына по волосам:

— Завтра начнём, солнышко. Уже разобрали последние коробки, теперь займёмся красавицей-ёлкой!

Не успела Наташа повернуться к сынишке, увлечённо карабкавшемуся по горкам и лабиринтам, как сзади на лавочке уже сидела новая знакомая Марта с маленьким сыном. Мальчишка снова безучастно смотрел в пространство рядом с матерью, словно сторонний наблюдатель. Его глаза казались странно вытянутыми, уголки слегка приподняты, а под глазами выступали огромные тёмные круги. Когда он обратил взгляд на Наташу, зрачки мальчика расширились, заняв почти всю глазницу.

— Ой, Марта, — испугавшись, вскрикнула Наташа. — Как неожиданно... Вы тоже решили прогуляться?

— Привет, подруга, — доминирующе поздоровалась Марта.

Манера общения Марты беспокоила Наташу — она казалась излишне активной и эксцентричной. А вот ребёнок Марты, напротив, производил впечатление замкнутого и отчуждённого, и эта разница между матерью и ребёнком усугубляла дискомфорт. Но она была здесь единственной знакомой, поэтому Наташа хотела дать ей еще один шанс, минуя первое впечатление.

— Почему вы не носите маски? — поинтересовалась Наташа, поправляя свою.

— Уж нам-то они без надобности, — коротко махнула рукой Марта.

— А вы давно здесь живете?

— Недавно переехали. После развода с мужем разъехались.

Наташа огорчилась, впервые ей стало жалко новую знакомую, несмотря на то что где-то глубоко внутри они вызвали какую-то панику и желание поскорее от них скрыться.

— Мне очень жаль, Марта, — искренне сказала Наташа.

Та лишь равнодушно отмахнулась, безразлично отплёвываясь:

— Мужчины — сволочи, а мой бывший — и подавно. Заявил, что новая жена родит ему здоровенького.

Наташа, желая поддержать женщину, хотела прикоснуться к ребёнку, оставшемуся без отцовской заботы, но едва протянув руку к его тонкой щеке, получила неожиданный щелчок зубами прямо перед пальцами. Резко отшатнувшись, Наташа вздрогнула от испуга.

— Хватит! — резко оборвала сына Марта.

— Ма-ма, — тихо подошёл Миша, взяв Наташу за рукав. — Ты такая странная стала после того, как мы сюда переехали...

Некогда уютная квартира Наташи внезапно превратилась в чуждый, мрачный и пугающий уголок. Стены, прежде окутывавшие её теплом домашнего очага, теперь угрожающе темнели, будто готовы были схлопнуться и раздавить девушку. Шторы, висевшие в комнатах, больше не дарили ощущение уюта и приватности, а напоминали липкую паутину, распростёртую, чтобы заманить жертву в западню.

Окна, ранее пропускающие солнечные лучи, теперь стали подобны глазам, глядящим в бездонную ночную пустоту, полную мрака и нескончаемого страдания. Свет ламп мерцал и тускнел, создавая зловещие блики, будто следящие за каждым движением Наташи.

Испугавшись собственного жилища, девушка на ватных ногах встретила мужа с работы.

— Что случилось? — снял куртку супруг, заметив напряжение жены.

— Дим, прошу тебя, давай переедем отсюда?! Мне здесь жутко, чувствую себя чужой...

— Как это? — удивился внезапным переменам супруги он.

— Даже Мишка говорит, что я сама не своя стала, — поделилась Наташа, обеспокоенно глядя на мужа.

— Наташ, жрать хочу как собака, — нетерпеливо попросил Дима, садясь за стол.

— Сейчас-сейчас, — подошла к плите девушка и налила тарелку супа. — Дим? Меня тут всё пугает... Аж до мурашек.

— Какие переезды? Мы столько усилий вложили в покупку и оформление сделки... У нас с Витей отличная заброшка намечается для съёмок, — пренебрежительно отмахнулся муж. — Да и когда мы выбирали квартиру, эта тебе понравилась больше всех...

— Сталкерство твоё мне поперёк горла! — резко вскипела Наташа, вскакивая со стула.

— Зато благодаря этому мы смогли купить своё жильё, — попытался примирить жену Дима.

— Свое жильё! — фыркнула Наташа. — Моя новая знакомая рассказала, что в этой квартире повесилась вся семья, представляешь?

— Враньё какое-то, — недоверчиво усмехнулся Дима. — Привидений не существует! Ладно, хорошо... Закончу съёмки с Витей в заброшенном госпитале, поговорим о возможном переезде.

— А мне что, здесь одной сидеть в ожидании? — испуганно воскликнула Наташа, не в силах побороть нарастающий ужас.

Шестиэтажный корпус заброшенного госпиталя с подвалом, в котором должен был разместиться морг, возвышался посреди поля, далеко за чертой города, словно мрачный памятник, сооружённый самой смертью. Некогда белые кирпичи облицовки фасада почернели от влаги и плесени, древесные конструкции прогнили и осели, напоминая высохшие кости. Арматурные стержни торчали из швов плит, как железные когти, зацепившиеся за остатки разрушенных стен.

Каменные ступени главного входа заросли кустарником, а само крыльцо давно пошло трещинами, заставляющее остановиться и пересмотреть намерения.

Автомобиль Дмитрия тихо затормозил рядом с госпиталем, и он вместе с другом Виктором с восхищением уставились на заброшенное здание. И только ветер тихо шептал предупреждение уезжать отсюда поскорее, но молодые энтузиасты лишь вдохновлялись перспективой исследования очередного кладбища неострой.

— Красота, правда? — азартно спросил Дима, включая камеру смартфона. — А ты ехать не хотел.

— Ты прав, — восхитился Виктор, не сводя глаз с госпиталя. — Такое место обязательно привлечёт зрителей! Настоящая атмосфера ужаса и мистика, гарантирует успех видеоролику!

— Давай быстрее зайдём, а то можем не успеть до наступления темноты, — поторопил Дима, заметно нервничая.

— Эй, чего боишься? — смеясь, подтрунил Виктор. — Раньше был смелее!

— Да Наташка у меня стала боязливой, дома одна сидит, переживает, — признался Дима, беря рюкзак.

— В вашей-то новой квартире? — удивился Виктор.

— Соседка ей уже втолковала, что в нашей квартире якобы целое семейство повесилось, — тихо поделился Дмитрий. — Вот и поддалась, дуреха, верит во всякую ерунду.

Войдя внутрь, Виктор восторженно осмотрелся:

— Этот госпиталь очень похож на тот, который мы с тобой посетили еще маленькие, помнишь? Смотри, и коридор тот же, и расположение.

— А снаружи и не скажешь, что внутри такая планировка... — насторожился Дима.

С наступлением вечера Наташа вновь вышла прогуляться с сыном, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей о новой квартире. Добравшись до детской площадки, она с удивлением обнаружила, что Марта с её сыном уже заняли скамейку, словно ждали именно её прихода.

— Марта, мы приняли решение продать квартиру, — начала Наташа, запинаясь. — Страшно там оставаться, особенно одной. Димка уехал со своим другом снимать ролики в заброшенных местах, а я не уверена, что он вернется вовремя...

— Дорогая, так ты приходи ко мне ночевать! — незамедлительно откликнулась Марта.

Мысль о гостях, похоже, понравилась Наташе, но выражение лица подруги показалось ей необычным. Глубокие глаза Марты подозрительно заблестели, будто за ними таилась какая-то недобрая тайна.

— Мы тоже привитые, так что вам нечего бояться.

— Да не в прививке дело, — пробормотала Наташа, ощутив неприятный холодок в груди и легкое головокружение. — Это не страшно...

— У меня есть восхитительное красное вино! — продолжала уговаривать Марта и встала с лавочки. — Попробуем?

— Мама, — вдруг перебил Наташу сын, схватив её за руку. — Мама, а мне страшно...

Осторожно двигаясь по мрачному коридору, Дима с Витей разглядывали граффити, изображающие смерть и черепа под плесенью. И каждый их шаг по скрипучим деревянным перекрытиям отдавался эхом, многократно усиленным пустотой огромных помещений.

Коридор длился бесконечно, прежде чем перед ними возникла винтовая лестница наверх. Парни обменялись тревожными взглядами, и Дима выключил смартфон, объятый тревогой.

— Такое ощущение, будто здание само следит за нами... — прошептал Витя.

— Пошли отсюда! — скомандовал Дима, но было поздно...

Дверь, через которую они вошли сюда, бесследно исчезла, слившись с серыми стенами. В панике парни начали ладонями шупать стену, но коридор играл с ними, изгибаясь и меняя направление.

— А мы точно заходили здесь? — спросил Витя, стараясь не поддаваться панике, но готовый вот-вот закричит от ужаса.

— Точно! — оставался уверен Дима. — Это ненормально... Такого быть не может!

— Слышишь? — прошептал Виктор, затаив дыхание.

Где-то в глубине здания раздался тихий, протяжный стон, словно здание само плакало от одиночества и голода.

Лязгая полусогнутыми черными мохнатыми лапами, по ступеням из подвала к ним поднималось чудовище с капюшоном на голове, сросшимся с черным гнилым торсом.

Вихрем метель ворвалась в широкое темное окно заброшенного здания и ударила Виктора по щетинистому лицу, окутав могильным холодом. Стало пусто и подозрительно тихо, как будто он один сюда приехал. Недалеко что-то падало, отдаваясь эхом, будто кто-то бросал маленькие камушки.

— Диман? — позвал Витя, озираясь по сторонам, но он стоял здесь совершенно один.

Где-то сверху раздался два выстрела и крик друга, а за ним страшный рев, заставивший Витю согнуться, прикрыв ладонями уши.

Закапав лекарство в глаз и поправив шрамы на лице, я собралась было уходить, как вдруг замерла на месте...

«Открой, сучка, ты же обещала прийти! Мы вас ждем! А вы всё не идёте...»

Властный, гулкий голос, доносящийся из подъезда, звучал, рокотом могильного погребального звона.

— Вы издеваетесь?! — возмущённо вскрикнула я, достав свои ботинки на шпильках и опершись ладонями о колени, закрыла глаза.

— Элла, тебе плохо? — заботливо осведомилась Нина, обуваясь следом за мной.

— Жутко тошнит...

— Может, всё-таки...?

— Нет! — отрезала я. — Вампал, будь готов — скоро твой выход!

Лабрадор появился рядом, воинственно ударив лапами по полу, и его глаза загорелись ядовито-зелёным цветом.

— Давай покажем, кто здесь хозяин! — прорычал он, будто почувствовал мою готовность к битве.

Я открыла дверь и столкнулась с Люцифером.

— О, а Вампал умеет активизироваться? — удивился жгучий брюнет, перешагивая порог квартиры. — Ха, не той породы ты родился, Вампал! Для таких миссий тебе нужно было быть ротвейлером.

— Ты любишь ротвейлеров? — усмехнулась я. — Думала, тебе больше подходят чихуахуа.

От ее двери, единственной на всем лестничном проеме, разило могильным холодом, будто на этой квартире поставили проклятое клеймо. Я решительно нажала на звонок, но открывать нам не спешили.

— Наташа, — позвала я. — Откройте, пожалуйста, не бойтесь. Я здесь, чтобы помочь вам! Я знаю, что к вам приходит что-то страшное и требует прийти к ней в гости...

— Мама, не открывай... — испуганно прошептал Миша, скукожившись в коридоре и подрагивая от страха.

— Наташа! Я видела, как вы разговариваете с пустотой на детской площадке... Она не человек, — продолжала убеждать я. — Откройте?

Я слышала, как по ту сторону она прислонилась к двери, но не открывала...

Протасив беззащитного человека в подвал, чудовище бросило его на холодный, влажный бетонный пол и начало трансформироваться. Грაციозно вытянутое тело приняло змеиные формы: мощные лапы срослись с удлинённым телом, покрытым гладкой чешуёй с замысловатым чёрным узором. Три длинных шеи вырастали из спины, увенчанных треугольными головами с агрессивными глазами, сверкающими чёрными вертикальными зрачками. Каждый язык состоял из пары длинных и тонких язычков, извивавшихся в такт зловещему шипению, когда перед чудовищем встала большая рыжая агрессивная собака. Вампал запрыгал на месте, зарычал, грозно ударяясь лапами в бетонный пол:

— Помаша хвостом, если сдаёшься добровольно, — прорычал он. — Иначе последствия для тебя окажутся разрушающими.

— Спасибо, Вампал, — уверенно вышла я из темноты поцокивая любимыми шпильками, смело взглянув на чудовище. — Пора отправляться в Ад!

— Инопланетянка, — зарычал монстр, оголив клыки. — Ты мне не ровня!

— Ровня, Левиафан, — спокойно выступил Люцифер, материализуясь за спиной монстра. — Будь гостеприимнее, дружище, как не стыдно?

— Повинуюсь, хозяин, — утробное, громкое, но при этом смиренное рычание снова заполнило подвал, и огромный змей покорно улегся на сырой бетон, склонив головы пред правителем преисподней.

Я подошла к бездыханному телу Дмитрия, осторожно перевернула его на спину и провела рукой вдоль тела.

— Живой, — облегчённо выдохнула я. — Просыпайся, забирай друга и марш домой к жене.

Последние слова прозвучали эхом в голове парня, и он резко поднялся, осознав, что находится здесь один.

Быстро поднимаясь по лестнице, Дмитрий заметил, что дверь в его квартиру приоткрыта, словно кто-то специально оставил её нараспашку. Испытав приступ необъяснимого ужаса, он осторожно вошёл внутрь, настороженно вглядываясь в кромешную темноту.

— Наташа? — тихо позвал он, ступая на скрипящий паркет и чутко прислушиваясь к любым звукам. — Миша?

Тишина была ответом. Сердце застучало чаще, горло сдавило от паники. Включив свет в каждой комнате подряд, Дмитрий не обнаружил ни признаков жены, ни следов сына. Вся

квартира казалась выморочной, словно их тут никогда и не было, оставляя в душе ощущение ледяного вакуума и невыносимой тревоги.

На длинном-длинном столе лежало распотрошенное тело Наташи прямо в одежде и в ботинках на шпильках. Во главе стола сидела Марта, неестественно закатив глаза, и длинным языком выколупывала внутренности. Рядом такой же сын наслаждался добычей.

Марта с удовольствием облизала кровавые пальцы оскалившись:

— Не открывала суууучка, сбежаааать вздуууумала, но я её догналаааа... Догналаааа...

Согнув ногу, Наташа воткнула шпильку в глаз демоницы, успев схватить демонёныша за волосы:

— Люцифер, ты там где? — возмущенно спросила я уже живая и здоровая, сидя на столе, закинув ногу на ногу.

На полу корячилась Марта, истекая зелёной кровью. В моей руке брыкался и кусал воздух демонёнок.

— Обманула... — шипела Марта. — Обманула!

— Как ты посмела посягнуть на род беззащитный человеческий? — как раскат грома низко и угрожающе прозвучал голос адского правителя, заглушая абсолютно все звуки.

Я впервые увидела, как ярость Люцифера, поднимающаяся от самых корней сущности, обратилась огненной рекой, протекающей по сосудам. Черты лица его становились жёсткими, глаза обратились двумя горящими точками.

Желание наказать виновных проникло в каждую его клеточку, доведя до состояния полного кипения. Энергия вокруг заискрилась, над головой начали взрываться лампочки. Этот гнев Люцифера способен превратить всё на своём пути в пепел, ибо ничто не способно противостоять силе и воле повелителя Ада, когда он выходит из себя.

— Хозяин... — защищалась рукой демоница. — Не надо!

А вместе с ней в воздухе растворился и демонёнок.

— Люцифер, остынь, — коснулась я его плеча. — Ты чего? А как же твой ад?

Опустившись на колени, падший ангел, как его привыкли тут называть, сокрушенно закрыл ладонями лицо.

— Люцифер... — забеспокоилась я.

— Справимся... — стал прежним жгучий брюнет, посмотрев на меня расстроено. — И без Кровожадности справимся.

Глава 8. Северный кошмар

Сергей устало вздохнул, глядя на старую, потрёпанную бороду, уложенную на полке.

«Уже вся истрепалась, — подумал он, аккуратно складывая её в чехольчик. — Придётся на будущий год новую покупать».

Год шёл за годом, а он снова и снова выступал в роли Деда Мороза, развлекая детей и взрослых. Сколько уже раз надел он этот костюм, потерял счёт. Руки дрожали, укладывая ярко-красную шубу с пушистой белой оторочкой, блестящие ленты, мягкие варежки и шляпу, ставшую частью его ежегодного маскарада.

Весёлая игра, которую он так любил в детстве, давно превратилась в обязанность, к которой относился ответственно, но уже без прежнего азарта. Время оставило следы усталости на его лице, но на лицах детей, встречающих его выступления, неизменно зажигался свет радости и восторга.

В детском садике на Крайнем Севере начиналось традиционное праздничное утро. Детсадовская группа кишела радостью и ожиданием: малыши, наряженные в костюмы лесных зверей и волшебниц, с нетерпением ждали начала утренника. Родители собрались в тесном коридоре, наполнив пространство счастливым гомоном и предпраздничным волнением.

Дети, щебеча и строя собственные маленькие миры, топтались рядом, их глаза блестели от предвкушения подарков и представлений. Мальчики, облачённые в костюмы медведей, зайцев и тигрят, с гордостью демонстрировали костюмы, а девочки, наряженные принцессами и феями, величаво шествовали, любуясь своими волнистыми платьями и блестящими аксессуарами.

Воздух был наполнен приятным ароматом свежесваренного чая и сладостей, доносящихся из группы.

Ещё недавно зимнее утро обещало тихий покой и уют, но внезапно природу словно захлестнула буря. Небо потемнело, а лёгкий снежок, кружащийся за окном, мгновенно превратился в ураган, буйствующий среди степных просторов и с силой ударившийся в стекло одноэтажного детского садика, в котором дети и родители ждали начала утренника.

— Проходите, проходите! — радостно приглашала воспитательница, широко распахивая двери актового зала. — Добро пожаловать в наш уютный, хоть и старенький, но такой волшебный зал, украшенный гирляндами и оригинальными новогодними поделками наших малышей.

Просторная комната встречала гостей множеством ярких красок: с потолка свисали разноцветные ленты и серпантин, на стенах развешаны самодельные снежинки и забавные рисунки, выполненные руками самих детей. Но главное украшение — пушистая ёлка, установленная в центре зала, сверкающая тысячами огоньков и блестящими игрушками, вызывала восторг у каждого вошедшего.

— Родители, пожалуйста, займите места слева, — попросила воспитательница, мягко указывая ладонью. — Наши маленькие зрители устроятся справа, поближе к ёлочке, чтобы показать вам свои таланты.

В зале звучит тихая, новогодняя музыка, создавая атмосферу настоящего праздника.

Когда все зрители заняли свои места и приготовились к началу обычного детского утренника, из-за кулис медленно выполз массивный и сгорбленный Дед Мороз, внешне больше напоминающий гоблина. Старенькая седая борода, приклеенная криво, и зловещие глаза, сверкающие из-под густых белых ресниц, делали его облик откровенно пугающим.

Большинство родителей поначалу посчитали это оригинальной актёрской игрой и попытались расслабиться, списав необычные детали внешности на художественный замысел. Но, медленно перемещаясь по залу, Дед Мороз подошёл к первому ряду, где сидели мамы и папы,

и его странный хриплый кашель, перемешивающийся с неприятным шорохом шагов, наполнил аудиторию тревогой.

Родители недоуменно переглянулись, почувствовав, как из-под костюма Деда Мороза распространился тошнотворный запах гнили, словно от давно умершего животного. Кто-то кашлянул, кто-то закрыл нос рукой, но, пытаясь не вызвать панику, люди постарались сделать вид, что это обычная постановка.

Воспитательница, заметившая странное поведение артиста, быстро глянула на планшетку, где был записан сценарий, и вопросительно приподняла бровь, пытаясь понять, соответствует ли выступление плану мероприятий.

Взрослые начали расслабляться и забывать о предшествующих странностях, когда начались традиционные конкурсы и чтение стихов. Завершив выступление, Дед Мороз встал с табуретки и громогласно, зловещим басом, предложил:

— А давайте поиграем, ребятня? И родителей тоже попросим поучаствовать вместе с вами!

Детишки дружно поддержали идею, захлопав в ладоши:

— Да-да, хотим играть!

— Тогда попросим родителей выйти из зала, — продолжил Дед Мороз, чьи глаза теперь светились зловещими точками из-под густых седых бровей. — Дети поменяются костюмчиками, а родители попытаются вас потом угадать.

Сначала просьба вывела родителей из равновесия: они медленно поднялись со стульев, недоумённо переглядываясь. Но воспитательница поспешила их успокоить:

— Не волнуйтесь, я останусь здесь и присмотрю за всем процессом.

И тогда взрослые покинули зал, выстроились в коридоре и принялись ждать. Прошло десять минут, двадцать, полчаса — но никто так и не позвал их обратно. Сначала родители думали, что это часть сценария, старались убедить себя, что дети заняты подготовкой сюрприза.

Пока не заметили идущего по коридору мужчину с большим объёмным пакетом в руках.

— Здравствуйте, — заговорил он с некоторым волнением, — кажется, я немного опоздал на праздник? Трудно было добраться из-за внезапно начавшейся бури...

Кто-то из родителей спросил:

— А вы чей папа?

Незнакомец улыбнулся и махнул рукой:

— Нет, я не папа, — объяснил он. — Я профессиональный актёр, пригласили сыграть роль Деда Мороза для детишек.

Но с течением времени тревога начала расти, сменяясь сперва недоумением, а затем паникой.

— Может, это розыгрыш? — предположил один из пап, пытаясь придать словам оптимизм, но его голос звучал неуверенно.

Не успев переглянуться тревожными взглядами, родители, как обезумевшие, ворвались в зал, но там никого не было...

— Воспитательница с ним в сговоре! — воскликнула в ужасе одна из мам. — Это она помогла похитить детей!

Но никто из них даже не предполагал, что воспитательница, ответственная за мероприятие, была связана и брошена замерзать на заднем дворе школы, где её покрытое снегом тело лежало недвижимо, окоченевшее от лютого северного ветра...

Погода конца декабря выдалась аномально тёплой. Декабрь затопил города серой слякотью, подмыв под себя остатки снега и породив новые массы инфицированных вирусом людей. Казалось, что затишье, которого человечество так ждало, наконец наступило, и победа была

близка. Но, увы, враг оказался сильнее: эпидемия с новой силой обрушилась на людей, которые не успели обезопасить себя вакцинацией, увеличивая число погибших десятикратно.

Маски, повсеместно используемые непривитыми жителями планеты, уже не спасали от заразы, и человечество стало заложником невидимого убийцы, распространившегося по всей Земле. Нигде, ни в мегаполисах, ни в удалённых деревнях, ни на островах, изолированных от цивилизованного мира, не удавалось избежать инфекции. Мир погрузился в хаос и панику.

Единственные, кто выходил на улицы — врачи и медицинские работники, вынужденные совершать ежедневные рейсы по сбору тел умерших, падающих прямо на улицах. Масштаб трагедии невозможно было оценить словами: планета погрузилась в глубокий кризис, вызванный смертельным вирусом, от которого не было спасения.

Постоянно поправляя медицинскую маску, я стояла возле стоматологического кабинета местной поликлиники, к которой недавно прикрепилась по новому адресу. Из-за закрытой двери доносился знакомый звук работающей бормашины, но сегодня он меня совершенно не пугал. Напротив, я с нетерпением ждала, когда откроется дверь, выйдет предыдущий пациент, а врач пригласит меня войти...

— Элла, ты что, надумала себе, что Кирилл окажется в любом стоматологическом кабинете, в который тебе надумается прийти? — вдруг возник за моей спиной Люцифер.

Я обернулась, сложила руки на груди и нахмурила брови:

— С чего ты взял? Может, у меня зуб заболел?

— Напела мне тут одна ворона намедни, как зуб у тебя заболел... — скептически усмехнулся адский брүнэт.

— Ладно, Люцифер, от тебя ничего не утаить, — сдалась я слегка обиженно. — Я надеялась на Новый год, а здесь принято считать, что в этот день случается чудо.

— Здесь правда так считают? — удивился Люцифер. — Но почему тогда люди, считая меня повальным злом, дают своим детям вторые тайные имена, которые я тоже знаю, как бы они их не скрывали. Я могу прочесть все мысли, узнать все тайны, даже самые сокровенные...

— Достаточно, Люцифер, ты уже рассказывал это раньше, — пресекла я его поток самовосхваления.

— Верно, — гордо признал он и, порывшись в кармане строгого костюма, протянул мне маленькую фигурку человечка с тремя антеннами на голове.

— Что это? — удивилась я.

— Подарок тебе на Новый Год, — объяснил Люцифер.

— Спасибо, конечно, — поблагодарила я, улыбнувшись. — Но я имела в виду другое...

— Инопланетянин, созданный по представлениям людей, — уточнил Люцифер.

Я скривила лицо и сморщила нос.

— Вот теперь ты понимаешь, как мне обидно, когда меня представляют в черном балахоне огромным чудовищем? А ведь я не демон, я так и остался ангелом, пусть даже и падшим. Ладно, Элла, пошли уже, в мире столько нерешенных проблем... Я тебе не Нина и кидать себя через гроб с оградкой не позволю и уж тем более ходить и имитировать деятельность, политую под соусом скупающей по бывшей любви.

Его добродушное ворчание вызвало улыбку на моём лице, и я направилась вслед за Люцифером по коридорам поликлиники.

Дома на нашей кухне сидел молодой человек в маске, чем меня сильно напряг. Страх сковал меня в эту минуту, когда в голову пришла мысль, что это наш еще один земляк, который теперь заменит моего любимого... А вдруг Нина опять соврала, как было в случае с Кириллом? Еще и это прерывистое звучание электрических сирен нагнетало обстановку сильнее, но заставило проморгаться и заметить, как побагровел сосед под моим буравящим пристальным взглядом.

— Элла, познакомься, это наш сосед, — выступила вперед моя наставница Нина. — Работает лесником и любезно предложил украсить наш дом зеленой пушистой красавицей на этот праздник.

— Когда ты успела познакомиться со всеми подряд? — выдохнула я с облегчением, подойдя ближе и протягивая юноше руку. — Меня зовут Элла.

— Владимир, — смущенно ответил он, едва заметно улыбнувшись под маской.

Внезапно растолкав нас с Ниной, на кухню ворвался пафосно Люцифер, схватившись ладонями за полы пиджака и гордо держа голову:

— Нина, у тебя есть кофе?

— Есть, — отозвалась она, наливая всем свежесваренный.

— Но он не горячий! — возмущенно запротестовал Люцифер. — А нам с Эллой понадобится очень горячий!

Поверив ему, Вова сделал большой глоток и обжёгся.

— Люцифер, почему это нам с тобой понадобится очень горячий кофе? — спросила я.

— Люцифер, ты поставил ёлку? — спросила Нина, тут же обратившись ко мне: — А ещё я нашла коробку с настоящими человеческими новогодними игрушками...

— Человеч... Какими? — переспросила я, изображая удивление. — Звучит жутковато!

Владимир рассмеялся, трогая кончиком пальца свой красный нос.

— Девочки, ну девочки! — вздохнул Люцифер с видом пострадавшего мученика. — Какая ёлка? Нельзя отложить до завтра?

— Конечно нет! — возмутилась Нина. — Завтра уже Первое января!

— Эпидемия набирает обороты с удвоенной силой в этой сырости, — сокрушенно простонал Люцифер. — Столько умерших, да ещё нужно разобраться с дедом Моро...

— Лю... Лёша, — остановила я его, быстро подбирая слова, чтобы не шокировать Владимира.

— А я прошёл вторую стадию вакцинации, — гордо объявил Владимир. — И мне пришёл заветный QR-код, позволяющий вернуться к полноценной жизни.

Мы с Люцифером обменялись воодушевлёнными взглядами: этот парень определённо заслуживает признания и уважения! Но за внешней невозмутимостью и уверенностью в глазах адского брюнета скрывалась явная тревога.

— Слушай, можно тебя на минуточку? — тихо позвала я, отводя Люцифера в отдельную комнату.

Там я, сжав его руку, взволнованно спросила:

— Что случилось? Что-то не так?

— Наконец-то! — радостно выдохнул Люцифер, в мгновение ока раскрыл свои белоснежные крылья, подхватил меня, и мы взмыли в воздух через окно, которое осталось целым. Лишь занавески на окне всколыхнулись.

Люцифер выпустил меня посреди заснеженной степи, где я мгновенно погрузилась в рыхлый снег почти по пояс. Метель свирепствовала, кружа тяжелые хлопья, и холод обжигал лицо. Поперхнувшись снегом, я с трудом разглядела Люцифера, противостоящего буре.

— Ты с ума сошёл? — возмущенно выкрикнула я, вытаскиваемая из снега его сильными руками.

Я капризно съежилась, обнимая себя руками.

— Не ври, Элла, ты не чувствуешь температуру! — закатил глаза брюнет, подводя меня к более твёрдой снежной почве. — А вот мне реально холодно, но я готов пожертвовать своим комфортом...

— Зачем ты меня сюда притащил?

— Это крайний север...

— Да ты что! — передразнила я, с сарказмом пытаюсь разглядеть взглядом горизонт. — А то ли я не заметила.

— Может позволишь продолжить? Здесь сейчас Зло, которое совершило зло... — начал Люцифер, хватаясь за голову и страдальчески прищуриваясь.

Я нахмурилась, ничего не понимая.

— Оно из моего Ада. И, по моим предчувствиям, должен проехать здесь с минуты на минуту... Он похитил маленьких деточек из предприятия такого... Как оно правильно называется? Утром туда приводят детей, оставляют с другими тётями на целый день...

— Ясно, — процедила я, касаясь лба ладонью. — Но я больше не могу чувствовать нечисть. Видения приходят сами по себе, я не управляю ими... Единственное, что я могу, это бороться с ними!

— Ну так ты это и будешь делать, — изумился Люцифер. — В чём проблема?

— Ты видишь здесь хоть одного своего? — взмахнула я руками. — С кем мне бороться? Твой «Люцифигатор» тебя не подвёл? Мы точно прибыли туда, куда нужно?

— Элла, тебе необходимо постараться почувствовать! — настаивал Люцифер. — Попробуй? Иначе нам не спасти человеческих детёнышей...

— Люцифер... — огорчилась я.

— Попробуй, Элла, пожалуйста! У него дети, он их съест, но прежде они замёрзнут мучительно!

Я напряглась, съёжилась и зажмурилась, стараясь восстановить способность, которой лишила меня Эпидемия... Но у меня ничего не выходило!

— Давай, Элла! — подбадривал Люцифер. — Давай!

Как вдруг мои глаза широко открылись и, не моргая, застыли, как, впрочем, и я вся, медленно поворачивая лицо с напряжённым взглядом влево. И тут же туда сорвалась!

— Слава мне! — с облегчением выдохнул Люцифер и понёсся следом.

Глава 9. Начало неизбежного...

Кромешная снежная буря гудела и завывала, словно сама Земля была охвачена агонией. Мёрзлый ветер гнал снег, создавая снежные полосы, танцующие над поверхностью земли, словно призракные существа, пытающиеся унести живое дыхание.

Тьма вокруг сгущалась, и мир вдруг замер в ожидании чего-то ужасного...

Вдруг сквозь густую снежную завесу показался тусклый свет. Казалось, будто кто-то зажёл факелы, и светящиеся точки постепенно обозначили силуэты. Из снежного вихря вылетела жуткая повозка, подобная старой карете смерти. Колёса её были окованы чёрным металлом, кузов покрыт резьбой в форме черепов и клыков, а лошади, запряжённые в неё, представляли собой искажённые создания с огненными глазами и кожистыми крыльями, тянувшимися по бокам.

Повозку окружали мрачные фигуры, одни с рогами и копытами, другие — высокие, тонкие, похожие на тени. Из их грудных клеток исходил синий свет, режущий глаза, а их голоса сливались в единый, зловещий хор, разносящийся по округе.

Я решительно выставила руку вперед, перегородив путь жуткой повозке, и без колебаний посмотрела в глаза владельцу. Огромное, сутулое существо с длинной бородой, сверкающей ледяными кристаллами, уставилось на меня чёрными сверкающими точками-глазами.

Оно сердито ударило по вожжам, приказывая запряженным прибавить скорость, но те послушно остановились, упали на спину, жалобно поскуливая.

Тогда хозяин повозки издал оглушительный рёв, подняв голову к небу, и его пасть открылась, словно разделяя голову ровно пополам, обнажая острые, смертоносные клыки, похожие на сабли. Звуки его рыка пронеслись над степью, заставляя дрожать землю и воздух.

А Люцифер уже копошился в повозке над еле живыми от холода детками, одетыми лишь в праздничные костюмчики. Он бережно расправил свои крылья и накрыл ими детишек, словно курочка цыплят.

— Пора отправляться в Ад, Зло, — спокойно объявила я, глядя на хозяина повозки.

Но демон не собирался сдаваться без боя. Быстро выскочив из экипажа, он согнул мощные руки, сжав кулаки, и приготовился нанести сокрушительный удар.

— Люцифер? — вдохнула я, но вовсе не от страха, а для того, чтобы хозяин Ада забрал своего подчиненного. Но повозка уже была пуста...

Мощная огромная ручища демона застыла прямо над моей головой, его гнилое тело парализовало и затрясло, словно оно коснулось оголённого электрического кабеля под высоким напряжением. Я с удивлением оглянулась: никого возле нас не было, никто мне не помог, обезвредив чудовище, эта странная вибрация исходила из моего живота.

«Неужели это малышка решила меня защитить?» — опешила я, положив ладони на живот.

Я закрыла дверь в нашей квартире, оперлась спиной о стену и облегчённо вздохнула, опустив голову. Вдруг заметила, что моя одежда покрыта тонким слоем инея.

— О! — появилась в дверях кухни Нина, держа в руках блюдо с готовой птицей, обложенной листьями салата. — Где тебя так долго носило? Скорее, помоги мне, куранты скоро начнут бить!

— Этот адский негодяй уже здесь? — вспыхнула я от гнева.

— Кто? Люцифер? — удивилась Нина. — Так вы вдвоём провели время?

— Провели... — усмехнулась я.

— Элла, я понимаю, что мы не чувствуем здесь температуры, но ты вынашиваешь малыша в человеческой оболочке, — заботливо попросила Нина. — Обещай, что больше не будешь уходить без верхней одежды?

— Да-да... — выдохнула я, учуяв аромат свежеприготовленной пищи, на который тут же отозвался мой человеческий желудок.

Тёмный зал переливался огоньками гирлянды, установленной на ёлке. Телевизор транслировал музыкальную программу, из которой слышались праздничные поздравления.

— Давай-давай, скорее, — торопила Нина, неся очередное блюдо из кухни.

На столе в кухне уже красовалось множество изысканных блюд.

— Куда ты столько наготовила? — удивилась я.

— Хотела впервые устроить ужин так, как принято у людей на Новый год, — ответила Нина. — Мы здесь уже давно живём, пора соблюдать традиции этой планеты.

Когда стол был сервирован, Нина достала бутылочку из зелёного стекла и под бой курантов на экране поспешила её откупорить.

— Беременным нельзя, — налила она себе в стройный фужер из прозрачного стекла.

Я же налила себе лимонад.

— Ну что, Элла, за Новый год! — провозгласила Нина.

Я улыбнулась сквозь грусть, которую уже невозможно было скрыть, и наши стаканы звонко чокнулись под звук курантов, а затем я закрыла глаза и загадала самое важное желание.

Я не сразу заметила, как вокруг нас воцарилась беззвучная тьма. Широко распахнув испуганные глаза, я перестала дышать.

Кто-то щёлкнул пальцем, и электричество восстановилось, а нашу женскую компанию разбавил развесёлый Люцифер в строгом чёрном костюме, украшенном мишурой и шапочкой Деда Мороза.

— Девчонки, чего грустим? — оживлённо спросил он. — А ну веселиться быстрее!

— Люцифер! — одновременно обрадовалась и возмутилась я.

Он взял со стола чистый фужер и протянул его Нине, которая тут же наполнила его игристым вином.

— Ты куда пропал? — спросила я, возмущённо глядя на него.

Люцифер приложил палец к губам и кивнул в сторону экрана, где выступал некий политический деятель в парадном мундире, напоминающем наряд нашего адского брjunета.

За моей спиной раздался тяжёлый грохот — рухнул многоэтажный дом, в котором я только что расстреляла всех заражённых и мутировавших в зомби людей.

Воздух здесь тяжёл и отравлен, смешанный с металлом, ржавчиной и пылью. Везде пепел сожжённых деревьев, прах разрушенных зданий, горы гниющих тел. Земля давно переполнена кровью, и теперь я бреду по грязи, смешанной с остатками жизни, будто по бесчисленным кровавым лужам после проливного дождя.

За сизым горизонтом, заслоняя зеленоватое солнце, вздымается гигантский чёрный столб дыма, смешанного с пеплом и химикатами.

Я тяжело вдыхаю, понимая, что кислорода остаётся всё меньше, и каждый глоток становится последним. Остывший воздух — сухой, пропитанный гарью, ржавчиной и вкусом железа. Металлический пепел покрывает асфальт, повсюду стоят обгорелые остовы зданий, ржавые, изъеденные коррозией корпуса машин, разрушенные вагоны поездов, сошедшие с рельсов.

Раньше оружие было уделом военных, теперь же оно принадлежит и мне — той, кто когда-то спасала человечество от тёмных сил, а теперь вынуждена стрелять прямо в лоб людям, превратившимся в чудовищ. В этом и заключается моё нынешнее спасение, единственный способ уберечь остальных выживших. Любой ценой...

Позади, в одном из сохранившихся домов, раздался дикий крик. Я рванула туда. Три выстрела подряд, звук бьющегося стекла, истошный крик, затем — гробовая тишина.

Когда я вышла из дома, мои ноги подкосились, и я упала на колени, сокрушённая своей ужасной миссией по спасению человечества. Утонув в грязи, смешанной с кровью, я поняла, что больше не смогу выдержать эту тяжесть. Я больше так не могу... Это не та миссия, для

которой мы предназначались. Я не в силах больше делать зачистку. Я больше не вынесу кончины человечества.

— Элла...

За спиной послышался знакомый голос — властный, бархатный, такой родной и близкий, что сердце сжалось от неожиданной радости. Этот голос, словно сладкий бальзам, исцелил душу, вырвав из плена апатии и грусти, согрел сердце и наполнив его надеждой и счастьем.

Резко вскочив на ноги, я поспешила обернуться:

— Кирилл!

Время остановилось. Слова, которые он хотел сказать, несли особую глубину и искренность, которой не хватало в последние месяцы. Его любящие глаза, как луч солнца, освещающие мрак, растапливающие холод одиночества, смотрели на меня и дарили ощущение защищенности и спокойствия.

— Элла, обещай мне, что ты не сдашься, что бы ни случилось? Пообещай!!!

— Кирилл, стой... — рванула я к нему. — Подожди...

И тут же проснулась, громко хватая ртом воздух и оглядываясь по сторонам, будто очутилась в чужом месте. А тем родным было место рядом с Кириллом, пусть и полным мутировавших людей...

Тот последний кусочек сна был столь прекрасным, что, проснувшись, я на мгновение почувствовала себя в блаженном забытье. Однако тут же действительность рассеяла последние остатки прекрасного и вернула меня к реальности, страшной и неизвестной.

— Элла, — сонно простонал Люцифер, лежа на полу. — Ты чего так орёшь? Честно говоря, я перепугался.

Наклонившись к полу, я усмехнулась:

— Не думала, что смогу переплюнуть хозяина страха.

Еле поднявшись с пола, помятый и взъерошенный после сна Люцифер потёр лицо и хмуро уставился на меня:

— Элла, тебе снился Кирилл?

— Снился...

— Ну и как он там? — оживился Люцифер, предвкушая подробный рассказ.

— Лучше спроси, как будущее, которое мне только что приснилось, — еле слышно ответила я, чувствуя, как от меня начинает разить страхом.

Мышцы вокруг моих глаз вдруг напряглись, приоткрытый рот сделал короткий, рванный вдох.

— Так, Элла, ничего не хочу слушать, — взбрыкнул Люцифер, замахав руками. — Этого ещё не случилось и не произошло!

Он поспешил на кухню, а я встала с дивана и последовала за ним, увидев, как он извлекает из холодильника недопитую бутылку шампанского и осушает её одним глотком.

— И тебе советую не волноваться в твоём положении! — сказал он, отдышавшись и осторожно косясь на меня.

— Ребята... — вошла на кухню встревоженная Нина. — Необходимо срочно подготовиться!

Макар, подросток шестнадцати лет, в сопровождении младшей сестры, десятилетней бойкой девчушки, вышел во двор, чтобы поиграть в снегу, которого, казалось, выпало достаточно в частном секторе впервые за все зимнее время.

Одетые в старые потрепанные лыжные брюки и куртки, доставшиеся от соседей, чьи дети уже давно выросли, ребята без варежек, которых у них не было, отправились к калитке. Она была старая, облезшая и открывалась с трудом, но дети преодолели это препятствие и вышли за ограду. В этот вечерний час кроме них никого не было в поселке, остальные семьи проводили

время со своей семьей за праздничным столом, а их родители отдыхали дома в комнате среди пустых бутылок и окурков сигарет.

Но не успели ребята сделать и шаг, как недалеко от них раздался протяжный звук скрипа вперемешку с тяжелым громким хрипом, пронесшимся прямо над головами детей, как будто что-то огромное и страшное склонилось над ними. Брат с сестрой замерли, не в силах даже моргнуть.

Тьма, выползшая из-за вершин больших кленов, нависших над частным сектором, мгновенно окутала поселок, словно саваном, проглотив луну и погрузив в густой, непроницаемый мрак все домики с покрытыми снегом крышами, деревянные заборы и дворовые постройки. Даже серебристые звезды, будто испугавшись неизведанного зла, погасли, исчезнув с черного полотна неба, оставив мир в абсолютной, леденящей пустоте.

Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, что-то высокое и сутулое приближалось к детям, волоча за собой мешок, оставляющий на снегу кровавый след.

— Бегом домой, дети! — закрыла я их спиной.

У калитки уже стояла Нина и протягивала им руки. Она провела детишек в ограду и поскорее увела подальше от нечисти.

Огромная тень напротив меня начала неестественно дрожать и разрастаться, словно живое существо. Медленно вытягивая из себя кривую, узловатую руку с длинными острыми когтями, затем вторую, тень постепенно приняла форму и, свернувшись в комок, развернулась ко мне.

Передо мной предстал сгорбленный старик в красной рваной шубе и мятой шапке, с лица которого стекала густая, темно-бардовая кровь, оставляя отвратительные следы на синеватой, морщинистой коже. Его взгляд, наполненный безумием и злобой, впился в меня.

— Вот те на! — ахнула я. — Я же ему шею свернула буквально вчера!

Оголив кровавые гнилые зубы, нечисть зашипела и тут же растворилась в воздухе.

— Ничего не поняла! — сказала я, оглядываясь по сторонам.

— Ну что там? Всё нормально? — вернулась ко мне Нина.

— Где мой беженец? — появился рядом Люцифер.

— Сбежал... — ответила я, виновато отведя взгляд.

— Как сбежал? — возмутился Люцифер, взмахнув руками.

— Элла, как ты могла его упустить? — упрекнула меня Нина.

— Эй! — возмутилась я. — Вы чего на меня наехали? Мне нельзя нервничать, забыли? Это вчерашний демон, он меня узнал, поэтому и удрал.

— Нет, Элла, это не Зло, это Дикость, — объяснил Люцифер.

— У них там что, новогодний карнавал? — возмутилась я. — Что они у тебя в костюмах дедов Морозов?

— Карнавал здесь, поэтому они и маскируются, — ответил он.

Громкие, угрожающие удары раздались в дверь дома, несущие страшное напряжение. Отчего в самой дальней комнате, без света, под кроватью, в ужасе спрятались два брата. Пес, который раньше храбро бросался в бой с громким лаем, стоило кому-то чужому подойти к ограде, теперь, поджав хвост, прибежал к ребятам, тихонько поскуливая и дрожа всем телом. Удары повторились вновь, заставив детей зажмуриться и прикрыть головы ручками.

Дверь была старой, хлипкой — отец давно собирался поменять её, но не успел. Незнакомец, стуча, действовал методично и настойчиво, словно считывал страх за стеной и получал от этого удовольствие. Детям казалось, что ещё несколько ударов — и преграда рухнет, уступив агрессору путь внутрь. Сердца ребятшек бешено колотились, слёзы текли по лицам, страх превращался в панику.

— Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты... — медленно поднималась я по ступенькам крыльца, направляясь к демону, застывшему в странной позе.

Тот, заметив меня, моментально растворился в воздухе, оставив лишь лёгкое ощущение холода.

— Элла! — прикрикнула Нина, следуя за мной. — Опять всё то же самое! Люцифер просил задержать его, а не испугать!

— Ну почему он не хочет со мной сражаться и вечно сбегает? — обиделась я. — Первый раз такое вижу.

— Ну что там у вас? — важно поинтересовался Люцифер, возникнув из воздуха.

— Что, что... — возмутилась я. — Сам ищи своего дезертира! Он постоянно даёт деру.

— Я не служба розыска, Элла, я работодатель, — возмущённо заявил он.

— Может, прекратите? — раздражённо вмешалась Нина, прислушиваясь к подозрительному шуму за дверью.

— Абыюзерша! — обиделся на меня адский правитель, сложив руки на груди.

— Ой, кто бы говорил... — не уступала я. — Еще не известно, как на нашей с Ниной психике отразится жизнь с Люцифером.

Выждав время, старший братик осторожно выбрался из-под кровати, оставив младшего в укрытии вместе с собакой, которая прижала уши к морде и категорически отказалась вылезать. Миновав зал, он тихонько прокрался в кухню и, увидев в коридоре темную фигуру, вздрогнул, готовый непроизвольно закричать.

— Дети, не бойтесь, мы из полиции, — мягко подала голос Нина. — Мы ловим преступника! Можете доверять нам.

— У нас в доме пропал свет, — тихо и хрипло сказал малыш.

— Это вор специально оборвал провода, ничего страшного, — успокаивающе объяснила Нина. — Моя коллега скоро исправит поломку. А где твои родители?

— Мама ушла в магазин... — прошептал он, сжав губы.

Внутри печной трубы рядом с мальчиком раздался странный шум, словно кто-то начал быстро спускаться по дымоходу. Ребенок испуганно отскочил в сторону, а Нина, мгновенно оценив ситуацию, ловко закинула в печь дрова и подожгла их, отчего из трубы раздался оглушительный рев и хлопок, заполнивший кухню дымом.

Неожиданно включившаяся лампа ослепила мальчика, но, когда зрение адаптировалось к свету, он увидел, что стоит в кухне один. Дверь на улицу была закрыта, а печь весело потрескивала, отбрасывая отблески пламени на стены.

— С кем ты разговаривал? — выглядывал из комнаты младший братик, держа на руках маленькую подрагивающую собачку.

Дорога петляла по пригоркам и меж холмов. Бесконечные поля в обрамлении густых лесов расстилались по сторонам. Солнце грело слабо. Земля готовилась провожать лето.

Когда я вышла из автомобиля, здесь царила зловещая тишина. Следом за мной выскочил Вампал, тревожно приносясь к воздуху.

Дорогу преграждали разбитые автомобили, заляпанные запекшейся кровью, избитые и искореженные. Вокруг валялись вещи, сумки, сиденья, фрагменты кресел и одежды, словно выброшенные после кровавой бойни. Поверх всего этого хаоса не сохранилось даже клочка асфальтового полотна — лишь воронки, ямы и земля, перемешанная с мусором и обломками.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.